Нина Ахминеева

СОФЬЯ 3
ДРУГОЙ МИР

Софья

Нина Ахминеева

Софья. Другой мир 3

«Автор»

2024

Ахминеева Н. П.

Софья. Другой мир 3 / Н. П. Ахминеева — «Автор», 2024 — (Софья)

Пока ты жива — всегда есть шанс.Злодеи пытаются отобрать, всё, что создано с таким трудом? Для всех мертва? Это не повод сдаваться. Ты глава древнего боярского рода Изотовых!Примечания автора:Финальная книга трилогии "Софья.Другой мир".Корректор/редактор Татьяна Лучникова

© Ахминеева Н. П., 2024
© Автор, 2024

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 14
Глава 4 19
Глава 5 24
Глава 6 29
Глава 7 35
Глава 8 39
Глава 9 43
Глава 10 49
Глава 11 53
Глава 12 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Нина Ахминеева
Софья. Другой мир 3

Глава 1

Откуда-то слышалось невнятное бормотание. Сознание медленно возвращалось. Чувствуя настырные прикосновения чужих рук к груди и шее, с трудом разомкнула веки.

Что за сволочь меня лапает?

С усилием сфокусировав взгляд, постаралась сквозь белесую мутную пелену перед глазами рассмотреть нахала. Потихоньку проявились очертания мужского лица: узкий подбородок с давно не бритой щетиной, маленькие голубые глазки-бусинки. По ощущениям, мне в грудь упирается его локоть, а влажные пальцы омерзительно скользят по шее.

Раздражение нарастало все сильнее. Да как он смеет?!

Меж тем, не отвлекаясь и продолжая что-то неразборчиво бубнить себе под нос, мужик усердно пытался расстегнуть мою цепочку.

– Руки убери, – прохрипела не своим голосом. В горле резко запершило.

Застыв на месте, небритый нахал наконец-то соизволил посмотреть мне в лицо. Я угрожающе прищурилась в ответ. Неверие в голубых глазах-бусинках за какие-то считанные мгновения сменилось животным ужасом. Буквально через миг вор закатил глаза и безвольно рухнул куда-то вниз.

Услышав глухой удар тела о что-то твердое, вяло повернула голову в сторону звука. Взгляд тотчас уперся в обитую светлой тканью низкую стеночку. Уцепившись непослушными пальцами за ее край, с натугой села.

Сердце билось в груди словно сумасшедшее. Прерывисто дыша, немного подалась вперед. Мужик лежал на полу и, определенно, был в глубоком обмороке.

Интересно, чего он так испугался? Может, больной?

А где это я?

Тусклый свет скудно освещал низкое помещение. Осторожно подняла голову и тотчас замерла. Буквально в нескольких метрах от меня на низеньком постаменте стоял закрытый крышкой массивный гроб. Немного поодаль виднелась еще парочка.

Облизнув непослушным языком сухие губы, глубоко вздохнула. Сердце уже не норовило выскочить из груди, но все же билось быстрее привычного. Осторожно, стараясь не делать лишних движений, осмотрелась.

Теперь стало понятно, отчего потерял сознание небритый нахал. Я находилась в полуоткрытом гробу, а впереди красовалась закрытая дверца гигантской печи.

Похоже, крематорий.

Ощущая дикую слабость во всем теле, не с первой попытки сумела-таки выползти из своего «последнего жилища». Ноги плохо слушались, и, покачиваясь от слабости, я замерла около лежащего на полу в беспамятстве мужика.

Он скоро очнется. Нужно срочно уходить. В противном случае, все будет зря.

Сделав малюсенький шаг в сторону, тотчас наступила на подол длинного темно-серого платья. Стараясь избежать падения, невольно схватилась за край гроба и сильно его качнула. Откинутая часть крышки с тихим стуком упала, закрывая обитое светлой тканью нутро. В последний момент буквально чудом удалось отдернуть руку и уберечь пальцы.

Неожиданно послышалось странное шуршание. Мельком глянула в сторону печи и оцепенела. Дверца на моих глазах плавно отъехала в сторону, сильно зажужжало, и мое деревянное

«жилище» неспешно поехало вперед. Словно завороженная я проводила взглядом медленно исчезающий во чреве печи гроб. Едва вокруг него начало разгораться пламя, дверца вернулась на место.

Тотчас возле ног зашевелился приходящий в себя мужик. Наблюдая за ним, я осознала, что не успею уйти незамеченной. Так и случилось: с трудом сев, он поднял на меня взгляд. Едва наши взоры скрестились, в его глазах начал вновь нарастать первобытный ужас. Неожиданно для самой себя я подалась вперед и глухо выдохнула:

– Бу!

Тихонько пискнув, мужик снова закатил глаза и упал навзничь. Глядя, как стремительно темнеют зеленые штаны, злорадно ухмыльнулась. Поделом тебе! Нечего усопших обкрадывать!

Внезапно накатила слабость, за ней пришел озноб и такая знакомая тошнота. Мелко вздрагивая, поковыляла к единственной двери. Не думая ни о чем, потянула за ручку на себя. На мое счастье, оказалось не заперто, и я вышла из помещения.

Меня встретили два длинных коридора. С низкого потолка тускло светили редкие лампочки. Куда идти?

Свернув наугад направо, поплелась вперед, пугаясь едва слышного звука собственных шагов. Нужно выбраться отсюда пока не началась ломка.

Не помню, как давно «умерла», но отмена наркотика стала давать о себе знать. Совсем скоро тело скрутит от адской боли. Ее предвестники за время своего «счастливого» замужества я успела хорошо изучить.

Коридор плавно изгибался. Вряд ли он был таким уж длинным, но мне начинало казаться, что не закончится никогда. Мучительная тошнота спазмами скручивала пустой желудок. Появилась мелкая дрожь в руках и коленях.

Утирая ледяной пот со лба, я с трудом передвигала ноги и беспрестанно оглядывалась назад. С каждым мгновением боялась все сильнее и сильнее. В душе нарастала паника.

Увидят – вернут мужу. Снова через эти круги ада я не пройду.

Впервые в жизни в моей душе взметнулась лютая ненависть к определенному человеку. Подонок должен понести наказание! Именно эта ненависть и толкала через силу двигаться вперед.

Внезапно за очередным поворотом показалась первая за все время дверь. Мысленно молясь всем богам одновременно, несильно толкнула ее ладошкой: не заперто. Но впереди – крутая лестница, ведущая наверх. Узкая, без перил, она, определенно, предназначалась для каких-то служебных целей. Вопрос: приведет ли меня на свободу?

Хрипло дыша, с тоской посмотрела на ступени. Выбора нет. Надо идти.

Мышцы на ногах беспрестанно скручивало судорогой. Обламывая ногти в попытке уцепиться за стены, ступенька за ступенькой поднялась наверх. Остановившись на узкой площадке, угрюмо посмотрела на закрытую – на сей раз металлическую – дверь.

Боженька, помоги!

Воззвав к высшим силам, потянула дверь за ручку на себя. С противным скрипом она отворилась, и свежий воздух тотчас ударил в лицо. Да вот только я не успела порадоваться. Едва вышла из помещения в ночь, как сразу налетел сильный ветер, принесший с собой ледяной дождь вперемешку со снегом. Платье моментально промокло до нитки.

Крепко обхватив себя руками, посмотрела в ночную темноту. Кругом виднелись лишь темные силуэты деревьев. Углядев меж ними просвет, сжала губы в узкую полоску.

Надо идти.

Лязгая зубами от холода, дрожа и поскальзываясь, упрямо побрела то ли через редкий лес, то ли через заброшенный парк.

Время утратило всякий смысл. Под подошвами тонюсеньких тапочек чавкала грязь, волосы растрепались и мокрыми сосульками прилипли к лицу, а самое главное – мышцы все сильнее скручивало от боли. Началась ломка. Хотелось упасть и никогда больше не вставать. Но я не имею права. Если сломаюсь, что будет с сестрами? Урод-муженек не оставит их в покое.

Ненависть к так называемому супругу волнами поднималась в душе и придавала сил. Этот недочеловек пичкал меня наркотиками, глумился, морально и физически истязал. Он должен сдохнуть!

Превозмогая боль, на голой силе воли наконец-то выбралась к пустынной дороге. Далеко впереди виднелись огни домов. Хвала богам, погода смилостивилась: ветер стал тише. Ледяной дождь больше не хлестал по лицу, но сменился хлопьями снега.

Я дойду. Обязательно дойду.

Сконцентрировав взгляд на теплых огоньках окон, побрела через дорогу. Внезапно воздух разорвал резкий визг тормозов. Остановившись, медленно повернула голову: в паре шагов от меня застыл автомобиль. Свет фар слепил, но я, бездумно глядя вперед, просто ждала.

Через мгновение послышался хлопок дверцы. Метнувшись ко мне, водитель вцепился сильными пальцами в окоченевшие плечи. Хорошенечко тряхнув, мужчина с непритворным гневом прошипел:

– Совсем спятила?! Идиотка!

Безэмоционально взглянув на водителя, увидела смутно знакомые черты. В его злых глазах также мелькнуло узнавание. Не веря самому себе, он пристально осмотрел мое лицо.

– Боярыня? – ошарашенно пробормотал архитектор. – Ты ж померла! – добавил безапелляционно.

Этот мужчина однажды чуть меня не убил. Но сейчас – был шансом выжить.

– Помоги. Не отдавай… мужу, – едва шевеля синюшными губами, прошептала на грани слышимости.

На это действие ушли остатки сил, и я обмякла в руках человека императора. Сознание погасло.

Глава 2

Несмотря на раннее утро, супруг скоропостижно скончавшейся боярыни Изотовой, Егор Николаевич Потемкин, уже сидел в кресле шикарного кабинета одного из лучших юристов Южного княжества по делам наследования.

С невозмутимым лицом выслушав клиента и ознакомившись с переданными документами, опытный правовед, не утаивая, сообщил, что дело неординарное. А потом попросил подождать и уткнулся в большой экран монитора. Привычно щелкая кнопками клавиатуры, он принялся искать информацию.

За долгие годы юридической практики Константин Михайлович Казанцев встречал много разных людей. Посетитель с первого взгляда ему не понравился. Даже больше: вызвал резкую, по сути, ничем не обоснованную антипатию. Но, конечно же, юрист не подал вида.

Попросив подождать, хозяин кабинета не стремился уколоть или оскорбить клиента. Проблема, с которой тот пришел, была действительно нетипичной.

Константин Михайлович знал правильный ответ, но, решив перестраховаться, взял паузу: мало ли что поменялось в судебной практике. Да и запросы в банки и органы регистрации от имени вдовца необходимо отправить. Служитель закона всегда очень тщательно подходил к работе.

Усиленно пряча нетерпение и тревогу, Егор Николаевич не сводил черных глаз с интеллигентного лица лощеного юриста. Который, абсолютно не реагируя на пристальное внимание нервничающего визитера, уже более получаса что-то читал на огромном дисплее.

В очередной раз глубоко вздохнув, Егор закинул ногу за ногу и откинулся на спинку удобного кресла. Подгонять юриста или сердиться за проволочку не в его интересах.

«Безутешный муж» примчался бы на консультацию еще в день смерти Софьи, но, увы, не получилось. Вначале ему пришлось искать врача, а после договариваться и убеждать того выдать липовое заключение о смерти. Егор не мог позволить тщательного осмотра тела жены. Всплыло бы, что она употребляла наркотики, началось бы расследование. А это сродни самоубийству. Поэтому аферист потратил кучу времени и средств на доктора.

Потом в срочном порядке организовывал похороны, хоть и скромные, что тоже отняло массу времени. Ну а после вдовец общался с многочисленными журналистами. Просто отмахнуться от них нельзя. У дворян свои правила, необходимо их соблюдать, если не хочется ненужного внимания. А внимания мошенник усиленно старался избежать.

Преждевременная смерть «обожаемой» супруги была крайне невыгодна Потемкину и доставила огромные проблемы. Как же не ко времени строптивая девка померла! Не иначе, из желания напакостить.

Обнаружив позавчера ночью Софью мертвой, «любящий муж» пришел в ужас. Но не смерть девушки его испугала.

Впервые за много лет ему поручили по-настоящему важное дело, а он не справился. Упрямая боярыня не только сдохла раньше запланированного времени, но так и не сделала требуемого. И теперь все грандиозные планы добиться уважения господина да и, что скрывать, личные весьма смелые фантазии о будущей безбедной жизни могли пойти прахом.

Вся надежда оставалась на зануду-юриста. Вдруг тот все же найдет лазейку?

Господин совершенно точно знал о смерти Изотовой, но до сих пор не выходил на связь. Сам же Егор Николаевич откладывал важный звонок. Просто не знал, что сказать.

Старательно глуша нарастающий страх, мужчина предался воспоминаниям.

Озвучивая приказ чуть больше двух месяцев назад, господин предельно четко дал понять: интерес представляет исключительно уникальное месторождение турина. Все остальное Егор может забрать себе.

Казалось бы, обладая уникальным даром воздействия на разум женщин, он просто обязан был справиться. Да вот только не получилось. Строптивая баба с гнусным характером все испортила!

Вспомнив о фантастическом упрямстве Софьи, «безутешный» вдовец скрипнул зубами. А ведь так все хорошо начиналось!

Тщательно продуманный план шел как по маслу. Приехав в Ростов, Егор предусмотрительно не спешил, терпеливо ожидая, когда же боярыня изменит маршрут школа-работа-дом. И в один прекрасный день это случилось. Сразу же неслыханно повезло: глава рода не только отправилась на многолюдный ипподром, но и в сопровождении лишь безусого юнца, да подруги.

Незаметно просочиться в ВИП-ложу удалось без особых трудностей. А после, прикоснувшись к ладони девушки, и взять под полный контроль ее разум. Господин предупреждал о родовой силе Изотовой, но все получилось лучше, чем Потемкин даже мог себе представить: она за считанные мгновения стала его персональной игрушкой.

Мужчина понимал – скорее всего, ему просто в очередной раз повезло. Он не сомневался – боярыня в момент воздействия испытывала сильнейшие страдания: не физические, но моральные. Да вот только мага разума психологическое состояние жертв абсолютно не волновало. Чем хуже было женщине, тем быстрее Егор ее подчинял.

Мысленно ликуя, не пожалел сил, чтобы рыжеволосая подруга Софьи ненадолго воспылала к нему симпатией и не препятствовала их уходу.

Избавившись от спутников главы рода Изотовых, не мешкая, отвез ее в заранее присмотренный храм. Ритуал заключения брака прошел без сучка и задоринки. С первым этапом плана маг разума справился просто отлично.

Уверенный в своих силах, новоиспеченный муж после бракосочетания уже практически уверовал – Софья с минуты на минуту подпишет необходимые документы.

Предвкушая момент триумфа, сел вместе со своей жертвой в такси и поехал к загодя арендованному дому. Поглядывая на бледноватое лицо девушки, мечтал о том, как сегодня же позвонит господину. Услышав знакомый низкий голос, сухо доложит о выполнении приказа, а после, словно невзначай, с достоинством обронит: «Я справился за один день. Зря вы во мне сомневались».

Егор, благодаря дару, выглядел максимум лет на двадцать пять, но на деле разменял пятый десяток. Он являлся последним представителем хоть и нищего, но дворянского рода. Однако все эти годы, словно мальчик-простолюдин, обретался на побегушках и страстно желал уважения, подчинения и почитания.

И вроде бы сила у него уникальная, да вот только судьба поглумилась: его магия воздействия на разум влияла только на женщин. Да и то лишь когда те находились в определенном психологическом состоянии.

При этом Потемкин, как и все мужчины-обладатели редчайшего дара, был не совсем мужчиной: половое бессилие шло в комплекте с возможностью управлять разумом. По неизвестным причинам на женщин-обладательниц дара подобное не распространялось. Они спокойно выходили замуж и рожали детей.

И здесь этим стервам подфартило!

Последние лет пятнадцать Егор не только презирал представительниц слабого пола, но и начал ненавидеть. Собственно, он никогда и не пользовался у них успехом. Женщины удивительно единодушно старались обходить его стороной и жаждали внимания лишь после применения к ним силы мага разума.

Именно на эту тему господин частенько подтрунивал и выдавал злые шутки. Но Егор привык и не реагировал. По правде сказать, он давным-давно не тревожился об отсутствии секса.

У него имелась собственная, сокровенная тайна. Потемкин знал, что есть иное, ни с чем не сравнимое удовольствие: полная, безграничная власть над женщиной. Морально унижая, ломая свою жертву, маг разума растягивал удовольствие и просто упивался наслаждением.

Глава древнего боярского рода красавица Софья Изотова для удовлетворения тайных пристрастий подходила изумительно. Предвкушая, как сильная женщина будет умолять и ползать перед ним на коленях, целуя ноги, Егор украдкой потирал друг о друга разом вспотевшие ладони.

Но это после. Вначале необходимо исполнить приказ.

Ни на мгновение не ослабляя силу воздействия, аферист привез юную боярыню в арендованный дом на одной из тихих улочек Ростова. Неказистый с виду (да и внутри), стоящий на отшибе, он просто идеально подходил для воплощения планов.

Усадив Софью за стол, намертво вцепился в ее левую руку. Несмотря на усталость, максимально усилил воздействие и приказал подписать документы купли-продажи на месторождение турина.

Покорно взяв ручку, девушка уже собралась поставить подпись, но тут случилась первая неприятность: новоиспеченная супруга неожиданно отключилась. Уткнулась головой в стол, размеренно задышала и просто-напросто глубоко заснула.

Испытывая горькое разочарование, Егор корил себя, что переусердствовал и влил за один раз слишком много силы. Наверняка после пробуждения боярыни второго шанса застать ее врасплох и взять под контроль придется ждать долго. Вероятно, такая возможность и вовсе не подвернется: пресловутую силу главы рода никто не отменял.

Огорченно вздохнув, перенес спящую девушку на кровать. Маг разума хотел сделать все быстро, но, увы, не вышло. Теперь ему не оставалось ничего иного, как дождаться, когда

супруга самостоятельно проснется, и дальше следовать плану: господин тщательно продумал все шаги.

Собственно, пока выполнен только первый пункт: заключение брака с боярыней Изотовой.

Утренний звонок и последующий диалог с князем Южным доставил мужчине искреннее удовольствие и подсластил горькую пилюлю неудачи. О грандиозных планах старшего Разумовского на юную главу рода его информировали. Сообщая Игорю о том, что любимая женщина вышла замуж, Потемкин в душе злорадствовал, хоть и не показывал виду.

Ну а дальше проснулась Софья.

В тот день она впервые испытала действие тяжелого наркотика, ну а «муж» получил порцию удовольствия.

– Егор Николаевич, вы меня слышите? – ворвался в воспоминания негромкий голос юриста.

Константин Михайлович уже не в первый раз окликал Потемкина. Разглядывая его лицо, юрист подумал, что такого мерзкого, до тошноты противного человека за все годы практики прежде не встречал. Поймав себя на этой мысли, удивленно хмыкнул, но тем не менее взгляд от клиента не отвел.

– Простите, задумался, – сообщил вдовец и глубоко вздохнул. – О Софьюшке вспомнил, – добавил, изобразив на лице глубокую печаль.

Не дрогнув ни единым мускулом на лице, Константин Михайлович невозмутимо произнес:

– К сожалению, вы никаким образом не станете главой рода Изотовых.

Услышав это, Егор нахмурился и подался вперед, стараясь не пропустить ни слова.

– Я никогда не ввожу в заблуждение своих клиентов и не обещаю того, чего сделать не могу, – спокойно продолжил законник. – Софья Сергеевна при жизни не передала вам права главы рода. И дело тут даже не в надлежащем документальном оформлении, – он едва заметно усмехнулся. – Вы, Егор Николаевич, дворянин, но не боярин. Следовательно, супруга выше вас по статусу. Данное обстоятельство не дает вам автоматически принять права главы рода. Второе и самое важное: даже если бы суд признал за вами право, ни слуги, ни вассалы рода не будут вас почитать как главу. У вас нет родовой силы Изотовых.

Играя желваками, Потемкин несколько секунд молча разглядывал интеллигентное, породистое лицо правоведа. А затем с затаенной надеждой произнес:

– Вы сказали: «если суд признает за вами право главы рода». Значит, есть такая возможность?

– Вероятность иного исхода дел всегда присутствует. В вашем случае – не более одного процента, – безжалостно развеял все надежды юрист. – Егор Николаевич, как бы вы того ни желали, но главой боярского рода Изотовых вам не стать.

– И на что же я могу рассчитывать? – сердито раздувая ноздри, нарочито тихим голосом поинтересовался «безутешный муж». Конечно, о таком повороте дел он догадывался, но все же надеялся на чудо.

– Вы имеете право исключительно на долю в личном имуществе супруги. На собственность рода ваше право наследования не распространяется, – безэмоционально озвучил неутешительный вердикт Казанцев. – Все имущество, зарегистрированное на род бояр Изотовых, за ним и остается, – видя, как наливаются кровью глаза клиента, ледяным тоном продолжил: – Судя по предоставленным вами документам и ответам на мои запросы, Софья Сергеевна не обладала личной собственностью. Домовладение и автотранспорт приобретались на имя сестер-близнецов, а личных банковских счетов у вашей супруги не имелось, она пользовалась исключительно счетом рода. Выходит, и наследовать вам нечего, – выдержав многозначительную паузу, Константин Михайлович прямо посмотрел в глаза клиента и добавил: – Наряду с

этим, вы вправе оформить опекунство над юными боярынями. Именно они, как единственные кровные родственники, вступят в права наследования ровно через девять дней после кончины главы рода. Однако, в данном случае необходимо согласие обеих девочек.

Замолчав, юрист откинулся на спинку рабочего кресла.

Старательно контролируя бушующий гнев, Егор немного помолчал, а после нарочито тихим голосом спросил:

– Если я получу опекунство над сестрами супруги, то какими правами буду обладать?

– Полный контроль над имуществом и бизнесом рода Изотовых до достижения совершеннолетия юными боярынями, – невозмутимо ответил правовед.

– Кто-то еще может претендовать на опекунство? – быстро поинтересовался «скорбящий» вдовец.

– Разумеется, – кивнул юрист и начал перечислять: – Вассалы рода, если давали клятву верности исключительно главе рода, либо представители дворянских родов равные или выше статусом. Если же опекунство над боярынями не будет оформлено, Российская Империя возьмет заботу о девочках на себя.

– А вдруг с детьми что-то случится? – делано безразлично уточнил Егор. – Я же член рода, значит, могу за ними наследовать?

– Не совсем так, – медленно произнес Казанцев. Заметив угрожающий прищур клиента, невозмутимо пояснил: – В случае смерти девочек имущество отойдет в пользу Российской Империи. Да, вы законный супруг главы рода, но, как уже говорилось, ниже по статусу и не получили прав главы. Следовательно, хотя формально и член рода, всеми правами кровных представителей не обладаете, – видя непонимание на лице клиента, спустя короткую паузу пояснил: – Если говорить простыми словами, то вы не имеете права наследовать за кем-либо из кровных представителей рода, кроме жены. Юридически у вас крайне мало прав. Но и давшие клятву верности роду Изотовых вассалы и слуги не могут причинить вам какого-либо вреда. В противном случае их ожидает смерть.

– Хоть на этом спасибо, – язвительно хмыкнул визитер и встал. – Было не очень полезно, дорого и долго.

– Всегда к вашим услугам, – не отреагировал на колкость Константин Михайлович.

Не попрощавшись, Потемкин быстро вышел из кабинета.

Проводив вдовца долгим взглядом, юрист с презрением усмехнулся. Константин Михайлович искренне не понимал, как красавица и, по слухам, умница боярыня Изотова умудрилась выйти за такого мужчину. У него же на лбу огромными буквами написано: «Мерзавец. Опасно!». Ну да кто этих женщин разберет. Самые умные и хваткие чудят порой так, что только диву даешься.

Неодобрительно качнув головой, Казанцев отбросил мысли о неприятном визитере и позвонил помощнице, велев пригласить следующего клиента.

Глава 3

Утро того же дня

Прилетевший чартерным рейсом Москва-Ростов светлейший князь Игорь Владимирович Разумовский неторопливо вышел из здания аэропорта. Родной город встречал его прозрачно-голубым небом и легким морозцем.

На мгновение остановившись, князь лениво оглядел заставленную разномастными автомобилями парковку. Заметив массивный черный внедорожник, коротко усмехнулся. По ставшему традиционным за многие годы ритуалу верный Савелий не дожидался в здании аэровокзала, а стоял возле машины.

Увидев главу рода, седовласый мужчина коротко поклонился и пошел навстречу.

– Доброе утро, господин, – приблизившись, хмурый слуга забрал у князя дорожную сумку. – Как долетели? – добавил дежурно.

– Доброе. Нормально, – лаконично отозвался Игорь.

«Какая муха его укусила? Мог бы и улыбнуться. Все же больше двух месяцев не виделись», – подумал Разумовский, с интересом разглядывая непривычно угрюмое лицо преданного помощника.

Меж тем, внимательно посмотрев на господина, Савелий коротко вздохнул и, не промолвив больше ни слова, направился к внедорожнику. Удивленно хмыкнув, светлейший князь неторопливо пошел следом.

Предупредительно открыв заднюю пассажирскую дверцу, слуга удостоверился, что господин удобно устроился, мягко ее закрыл, обошел автомобиль и сел на водительское место. Через мгновение заурчал двигатель. Покинув стоянку аэропорта, черный внедорожник быстро поехал в сторону Ростова.

Сняв теплую куртку, Игорь небрежно бросил ее рядом. Откинулся на спинку сидения, прикрыл глаза. Однако тяжелый взгляд слуги, то и дело поглядывающего в зеркало заднего вида, заметил.

Обо всех неприятностях Савелий всегда докладывал сразу и без лишних сантиментов. Но в этот раз почему-то молчал. А в том, что проблема есть, и она, однозначно, не связана с делами княжеского рода, Разумовский не сомневался.

Интересно, что стряслось такого-эдакого, о чем слуга не решается сообщить?

Усмехнувшись, светлейший князь открыл глаза и поинтересовался:

– О чем ты мне хочешь рассказать?

Не отрывая взгляда от дороги, Савелий не спешил отвечать. Не зная, как иначе начать разговор и сообщить страшную весть, задал довольно глупый для них обоих вопрос:

– Господин, вы видели по телевизору новости?

– Ты знаешь, что я его не смотрю, – многозначительно заметил князь.

– Игорь Владимирович, я помню, вы запретили говорить о боярыне Изотовой, – глубоко вздохнув, Савелий помедлил пару мгновений и добавил: – Но все же, думаю, последние новости о ней вы должны услышать, – и крепко сжал руль в ожидании реакции.

– И что же у боярыни случилось интересного? Счастливые супруги известили мир о скором рождении наследника? – скрывая за язвительным тоном глубокую обиду и душевную боль, предположил Игорь, кривовато улыбаясь.

– Нет, – качнув головой, Савелий вновь глянул в зеркало заднего вида. Увидев, как поджал губы и сурово прищурился господин, вздохнул и, опять переведя взор на дорогу, с непритворной печалью произнес: – Софья Сергеевна умерла. Вчера состоялись похороны.

В шикарном салоне автомобиля мгновенно повисла гнетущая тишина. Шокированный новостью князь сидел недвижимо и, казалось, потерял дар речи.

Не сказав больше ни слова, Савелий неотрывно смотрел на дорогу. Разумеется, глава рода не обсуждал с ним свое увлечение красавицей боярыней. Даже более того – тщательно скрывал. Однако преданный слуга не был слепым или глухим, а уж тем более глупым. Отлично зная князя, он давно догадался – господин не просто влюблен в Софью Изотову, а испытывает к ней глубокие, искренние чувства.

Эти два чудовищно долгих месяца Разумовский-старший специально не возвращался в Ростов, стараясь вытравить теперь уже запретное влечение к чужой жене. Просто не мог с ней встретиться. Боялся сорваться. Соню он любил так, как ни одну женщину в мире. Но она сделала выбор не в его пользу. Что тут скажешь? Сам дурак. Упустил.

Целенаправленно убивая чувства к супруге другого мужчины, Игорь меж тем четко осознавал – по сути, это тщетно. Старайся не старайся, но в глубине души продолжают жить любовь и призрачная надежда: возможно, когда-то все изменится.

Князь зажмурился, стиснул зубы, и, сжимая кулаки, попытался справиться с адской болью, раздирающей душу. Сообщённое сейчас Савелием не укладывалось в голове. Нет, он понимал, что такими вещами слуга шутить не будет, но просто не мог себя заставить поверить.

– Не верю, – вторя мыслям, прошептал едва слышно.

Однако слуга услышал. Не отрывая взгляда от дороги, взял с переднего пассажирского кресла планшет. Сбавив скорость, быстро обернулся и, протянув гаджет, тихо сказал:

– Показывали вчера по всем каналам и не один раз. Посмотрите.

Князь медленно протянул руку, взял новомодную штуковину и посмотрел на дисплей. Похоже, предусмотрительный Савелий не только записал для него выпуск новостей, но и остановил в нужном месте: с замершей картинки смотрела довольно известная в Южном княжестве журналистка. На заднем фоне виднелись голые деревья и кусок серого здания.

Для того чтобы развеять все сомнения, Игорю стоило всего лишь снять видео с паузы. Помедлив, он скрипнул зубами и нажал пальцем на экран.

– Сегодня ночью скоропостижно скончалась глава рода бояр Изотовых, – тотчас разлетелся по салону автомобиля женский голос. – Медики установили, что причиной смерти восемнадцатилетней Софьи Изотовой являлся сердечный приступ, – печально вздохнув, симпатичная, строго одетая журналистка продолжила хорошо поставленным голосом: – Прощание с усопшей состоялось в городском крематории в скромном кругу. Присутствовали лишь супруг Софьи Сергеевны и воины рода. Со слов вдовца, десятилетние сестры-близнецы боярыни крайне болезненно переживают трагедию. Испытывая тревогу за душевное состояние девочек, господин Потемкин принял решение их не травмировать процедурой прощания. Сейчас Елизавета и Александра находятся у себя дома под присмотром Екатерины Тимирязевой, близкой подруги и верной помощницы боярыни Изотовой. Оказывая моральную поддержку тяжело скорбящим девочкам, Екатерина также не смогла присутствовать на церемонии прощания, – картинка плавно переместилась вправо. На экране появилось изображение светловолосого худощавого мужчины с черными глазами. – Егор Николаевич, – в интонации женщины послышалось сочувствие, – примите наши соболезнования. Что вы сейчас чувст…

Оборвав речь журналистки на полуслове, князь медленно положил планшет рядом с собой. Глубоко вздохнул и закрыл глаза.

Не нарушая тишину ненужными разговорами, Савелий сконцентрировался на управлении автомобилем. Черный внедорожник мчался по пустынной дороге. Слева и справа мелькали припорошенные первым снегом бескрайние поля. До города оставалось еще минут десять.

– Останови, – неожиданно прозвучал приказ.

Плавно снизив скорость, машина съехала к обочине и остановилась. Тотчас открыв дверцу, Игорь выпрыгнул из салона.

С тревогой глядя на то, как господин без куртки, в одной футболке и джинсах идет по полю, Савелий неодобрительно качнул головой. Однако выходить следом не спешил, понимал – ему надо побыть сейчас одному.

Меж тем, не обращая внимания на холодные порывы ветра и настырно липнущие к дорогим туфлям комья сырой земли, князь отошел подальше от дороги. Остановившись, резко запрокинул голову и с ненавистью посмотрел в прозрачно-голубое небо. Высшим силам, похоже, недостаточно его мучений. Решив добить окончательно, они забрали Соню.

Он обязан быть стойким, но как же больно!

Больше не в силах держать убийственные эмоции в себе, мужчина резко выбросил руки вперед. Послушная воле мага земля мгновенно превратилась в монолитный черный камень. Стремительно покрывшись фиолетовым узором княжьей силы, каменное поле пару мгновений загадочно померцало, а затем внезапно середина вспучилась и взметнулась ввысь. Через пару мгновений на месте поля красовалась гигантская беспросветно-черная скала. Стоящая возле ее подножия мужская фигура казалась маленькой букашкой.

Игорь полагал, что вложил в эту боевую технику все эмоции, да вот только ошибся. Не полегчало. Дикая боль, ярость, гнев на судьбу и высшие силы, как и прежде, продолжали рвать в клочья сердце и душу.

Почему она?! Это несправедливо!

Зарычав словно раненный зверь, мужчина сделал несколько отточенных движений руками: четыре боевые техники запредельной силы одновременно обрушились на несчастное поле.

По гладкой монолитной поверхности неожиданно змеями заструились трещины, и, внезапно взорвавшись изнутри, мгновение назад казавшаяся нерушимой скала разлетелась на огромные осколки. Закрутившись в воронке бешеного урагана, каменные глыбы одна за другой вспыхнули режущим глаза пламенем и в мгновение ока сгорели дотла. Через несколько секунд на месте плодородного поля остался лишь глубокий, оплавленный по краям кратер.

Выполнив еще несколько грациозных движений руками и ногами, Игорь замер. Не замечая текущих по щекам слез, он наблюдал за тем, как со дна гигантского углубления начали бить высокие упругие струи. Бурля и клокоча, вода в считанные мгновения добралась до краев кратера, и все внезапно закончилось. Вместо поля теперь до самого горизонта простиралось озеро.

Печально улыбнувшись, князь посмотрел на спокойную водную гладь. Ярость и гнев выплеснулись. Да вот только душевная боль никуда не делась. Вглядываясь в тихую воду, мужчина словно воочию видел черты лица, глаза и улыбку любимой.

Глубоко вздохнув, Разумовский наконец-то ощутил влагу на лице и смахнул ее ладонью. Он уже и не помнил, когда последний раз плакал. Даже после смерти в родах первой супруги не проронил ни слезинки. Не потому что не любил, вовсе нет. Просто та боль была… иной. Искренне скорбя о жене и малыше, Игорь долго оплакивал их в душе. И думал – мучительней пытки не существует.

Как же он ошибался! Оказалось, может быть гораздо, гораздо больнее.

Постояв еще немного, мужчина резко развернулся и направился к автомобилю. Забравшись в салон, отрывисто бросил:

– Поехали.

Тотчас взревел двигатель, и машина тронулась с места. Савелий встревоженно поглядывал в зеркало на убитого горем господина. Слов для того чтобы хоть немного облегчить душевную боль просто не существовало. Опытный воин об этом знал. Здесь поможет только время.

Въехав в Ростов, внедорожник уверенно влился в плотный поток автомобилей.

– Озеро будет называться «Софья», – внезапно услышал слуга глухой голос князя. – Распорядись немедля посадить там деревья и цветы. Они должны цвести круглый год. Деньги не имеют значения.

– Слушаюсь, господин, – негромко отозвался Савелий. Бросив взгляд в зеркало, отметил бледность лица главы рода и тихонько вздохнул. Видеть, как тот страдает, было просто невыносимо.

Внедорожник привычно заехал на территорию родового особняка князей Разумовских. Автомобиль почти остановился у центрального входа, когда раздался настойчивый звонок телефона. Взглянув на дисплей, князь кривовато усмехнулся. Звонил сын.

Приняв вызов, Игорь сухо обронил:

– Слушаю.

– Светлого утра, отец, – довольно бодро поздоровался Михаил. – Вы еще в Москве?

Князь не желал абсолютно ни с кем разговаривать. Однако, старательно скрывая эмоции, холодно произнес:

– Только прилетел в Ростов. У тебя что-то срочное?

– Да нет, – быстро отозвался юноша. – Просто мне вчера сообщили, будто боярыня Изотова умерла. Хотел узнать, врут или нет.

Прикрыв глаза, Игорь несколько мгновений молчал, а после негромко сказал:

– Все верно. Софьи больше нет, – на имени любимой его голос невольно дрогнул.

– Дела-а-а, – потянул княжич. Глубоко вздохнул, а после добавил: – Жаль.

– Ты сказал все, что хотел? – ледяным тоном поинтересовался глава рода.

– Да я просто хотел с тобой поговорить, давно не общались, – миролюбиво сообщил Михаил.

– После, – бросил князь. Помолчав мгновение, добавил: – Сам наберу.

– Да, конечно. Всего хорошего, отец, – торопливо попрощался юноша. Разумовский-старший медленно нажал на отбой и невидящим взором уставился на погасший дисплей.

Подъехав к центральному входу в величественное здание, автомобиль остановился. Через пару мгновений Савелий распахнул пассажирскую дверцу. Оторвав взгляд от телефона, князь задумчиво посмотрел на слугу, а после ловко выбрался из салона. Отойдя от автомобиля на несколько шагов, внезапно остановился и приказал:

– Меня не беспокоить. Никому. Ни при каких условиях.

Небрежно бросив дорогой мобильный на брусчатку у своих ног, Игорь с силой наступил на него каблуком и, не оглядываясь, поднялся по широким ступеням.

Проводив прямую спину хозяина долгим внимательным взглядом, Савелий посмотрел на раздавленный телефон. Тревога за господина усиливались.

– Ясно, что будет иначе, – грустно усмехнувшись, едва слышно произнес мужчина.

Подобрав безнадежно испорченный мобильный, он тяжело вздохнул, а затем уверенно направился в сторону помещения охраны: следовало передать приказ господина. Отныне и на неопределенное время ворота родового особняка князей Разумовских закрыты наглухо для всех посетителей.

Глава 4

После консультации с юристом «безутешный вдовец» прямиком направился за прахом супруги. Ехать не хотелось, но выбора, по сути, и не имелось. По дурацким традициям необходимо забрать урну именно сегодня и непременно с утра.

Потемкин был крайне раздражен, однако это совершенно не сказывалось на манере вождения: Егор Николаевич дорожил своей жизнью. Привычно аккуратно управляя автомобилем, он неспешно ехал в плотном потоке машин и с тревогой поглядывал на небо. Голубой небосвод быстро затягивало свинцовыми тучами: как бы ни ливануло.

Погода в Южном княжестве обычно благосклонна к людям, но в последние дни словно сошла с ума: то яростный ветер сбивал с ног, то нещадно хлестал ледяной дождь со снегом. В очередной раз посмотрев на угрожающе хмурящееся небо, мужчина досадливо поморщился – зонт не взял. Еще промокнуть или простудиться из-за гадины-«женушки» не хватало!

Что ж за непруха-то такая?! Сплошные неприятности из-за этой стервы!

Стиснув руль, Егор скрипнул зубами от злости. Из-за упрямства и внезапной смерти Софьи не только его личные мечты и чаяния пошли прахом – план господина рухнул. Нужно срочно все исправлять.

Зануда-юрист сегодня нешуточно расстроил, но одновременно дал подсказку: чтобы выполнить приказ, необходимо взять опеку над девочками. Хорошо хоть, на это он имеет полное право.

За два месяца брака мужчина ни разу не был в доме Изотовых и, конечно же, с сестрами супруги не знакомился. Кроме того что детей не любил и в принципе не понимал, о чем с ними можно разговаривать, еще и не видел смысла налаживать контакт с юными боярынями. Но сейчас придется общаться. И с рыжей дворянкой тоже.

Кроме той встречи на ипподроме, Егор с Катериной больше не виделся. В первые дни брака отослал беспрестанно звонящей и пишущей сообщения девушке пару фотографий с телефона Софьи, сделал приписку: «Вышла замуж, отправляюсь в свадебное путешествие. Безумно счастлива. Когда вернусь – не знаю» и забыл о помощнице жены.

Увы, боярыня, упрямая гадина, ни в какую не желала сдаваться. Маг разума перепробовал многое, но так и не продвинулся в планах ни на шаг. Она даже, не иначе как из вредности, предпочла самостоятельно сдохнуть, только не покориться!

Исполни Изотова все как надо, сейчас не пришлось бы общаться ни с девочками, ни с подругой «горячо любимой» супруги.

Как же не хотелось этого делать!

Аферист не испытывал иллюзий в отношении сестер Софьи. Наверняка девочки обладают отвратным характером. Если, под стать главе рода, упрямые, словно бараны, то ждать от юных боярынь покорности – верх глупости.

Держась за руль одной рукой, второй машинально нащупал в кармане черного полупальто тот самый мобильный. И с ужасом подумал о предстоящем разговоре.

Память с воображением охотно подбрасывали картинки с вариантами расплаты. С каждым мгновением внутренности все больше скручивало от страха. Но не наказание так сильно пугало. Он до жути боялся разочаровать господина.

Дрянная баба! Все из-за нее! Но ничего-ничего, с мелкими пигалицами точно получится. И непременно надо выгнать из дома Изотовых рыжую дворянку. Мешаться только под ногами будет. Присосалась к боярскому роду, словно голодная пиявка!

Интересно, а эта Катерина давала вассальную клятву? Если да, то какую? Не может ли девка претендовать на опеку? Надо обязательно выяснить.

Погруженный в тревожные мысли Егор наконец-то доехал до городского крематория. Припарковавшись на пустой стоянке, вышел из автомобиля, со злостью хлопнул дверцей и глянул вверх: небо зловеще наливалось чернотой. Неодобрительно поморщившись, торопливо направился к уже знакомому серому зданию.

Потемкин быстро шел по асфальтированной тропинке меж старых высоких деревьев, и с ненавистью думал о Софье.

Стерва! Упрямая стерва! Сколько из-за нее проблем!

Стремительно преодолев несколько ступеней, Егор взбежал на крыльцо. Уверенно распахнул парадную дверь и, не мешкая, вошел. Пройдя по широкому коридору, свернул направо, а очутившись в уже знакомом ритуальном зале, осмотрелся. Поблизости никого не наблюдалось.

Мысленно досадуя, что не поинтересовался, где получать урну, «скорбящий вдовец» глубоко вздохнул. Скрестил руки на груди и приготовился ждать, когда кто-нибудь к нему подойдет. Бродить самому в поисках нужных сотрудников он считал ниже своего достоинства.

Однако ждать долго не пришлось. Буквально через пару мгновений в зал величественно вплыла миловидная статная женщина в строгом черном платье. Подойдя, чинно поздоровалась, задала пару вопросов. А затем, попросив немного подождать, удалилась.

Скользя безразличным взором по облицованному мрамором залу прощания, Потемкин принялся набрасывать план ближайших действий.

Первым делом – к Изотовым домой. С девочками пообщаться да Катьку прогнать. Но вначале прощупать, что девка из себя представляет. Вот навязалась же! И зачем только боярыня ее подобрала?

Внезапно нахлынувшие воспоминания о Софье вновь заставили скрипнуть зубами. Впрочем, не все. Были и те, которые вызывали в груди приятное томление. Играть с ней садисту доставляло истинное удовольствие. Редкий экземпляр.

– Примите мои соболезнования, Егор Николаевич, – выдернул его из размышлений приятный голос сотрудницы крематория.

Быстро повернувшись, Потемкин посмотрел на женщину. Когда та подошла, он и не заметил.

Сухо кивнув, вдовец изобразил на лице печаль. Взял протянутую серую гранитную урну и обреченно вздохнул. Как же ему не хотелось возиться еще и с этим! Но деваться некуда.

Меж тем, церемонно поклонившись, женщина замерла в ожидании.

– Спасибо, – не зная, что еще сказать, едва слышно буркнул мужчина. Не прощаясь, резко развернулся и знакомой дорогой пошел на выход.

С неба начал накрапывать мелкий дождик. Передернув плечами, Потемкин ускорил шаг. Однако, не дойдя до автомобиля, внезапно застыл на месте. На резко побледневшем лице отчетливо проступал испуг. И не без причины: в кармане чувствовалась вибрация того самого телефона. Звонить мог только один человек – господин.

Судорожно сглотнув, Егор медленно достал мобильный. Сердце лихорадочно билось в груди. Подождал пару мгновений, а потом трясущимися пальцами принял вызов. Крепко прижал телефон к уху и, пытаясь унять подкативший к горлу страх, с придыханием произнес:

– Светлого утра, господин.

– Разочаровал ты меня, Егорушка, – через несколько мгновений послышался из динамика обманчиво спокойный голос. – Сильно разочаровал, – добавил собеседник и многозначительно замолчал.

Ощущая, как на горле начала стягиваться невидимая удавка, Потемкин уронил треклятую урну на влажную землю. Резко вскинув руку, с силой прижал ладонь к шее, тщетно надеясь ослабить захват. На запястье блеснули дорогие часы, подарок господина.

Все напрасно: воздуха катастрофически не хватало.

Пошатнувшись, мужчина тяжело оперся плечом о ствол высокого дерева. Перед его глазами поплыли разноцветные круги: магическая клятва впервые напомнила о себе. Егор начал паниковать.

В тот день пойманный с поличным маг разума должен был умереть от рук служителей правосудия. Но смог убедить господина в своей пользе, дал клятву и остался жив.

А вдруг и сейчас судьба не отвернется?

– Господин, я все исправлю, – хватая ртом воздух, прохрипел он в телефон. Удавка сжалась сильнее. Сползая спиной по дереву, Егор с трудом дышал, но продолжал надеяться, что и в этот раз выберется. – Опека. Могу взять опеку, – прошептал, задыхаясь.

Внезапно хватка на горле ослабла. Смерть еще не разжала пальцы, но шанс на жизнь появился.

– Сестры-близняшки через девять дней примут наследство. Я, как вдовец, имею право взять над ними опеку, – скрипучим голосом прошептал Потемкин. Тотчас дышать стало легче.

Опираясь ладонью о шершавую кору, маг разума начал осторожно вставать. Приняв вертикальное положение, все так же тихо добавил: – Две недели – и рудник ваш.

Невероятно долгое мгновение господин молчал. Судорожно сглотнув, Егор замер в ожидании. На кону стояла ни много ни мало его жизнь.

– Хорошо, Егорушка. Но постарайся не оплошать. Опять, – через несколько бесконечных секунд раздалось с очевидной издевкой из трубки.

– Я не подведу вас, господин, – выдохнул Потемкин, слушая сигналы отбоя связи.

С неба все чаще падали ледяные капли. Стоя с закрытыми глазами, мужчина крепко прижимался спиной к стволу дерева. Он глубоко дышал, испытывая неимоверное облегчение и одновременно дикую злость.

Во всем виновата эта упрямая тварь! Не сдохла бы, сам с удовольствием прибил!

– Господин, как вы себя чувствуете? – неожиданно услышал Егор тихий голос.

Открыв глаза, увидел невысокого худощавого мужчину. Судя по темно-зеленым форменным штанам и рубахе, выглядывающей из-под старой куртки, – сотрудника крематория.

Едва посмотрев в голубые глаза бусинки, маг разума почувствовал знакомый зуд в пальцах и добела сжал кулаки. Жаль, этот хлюпик не баба, и нет под рукой любимой плетки.

Потемкину до безумия хотелось прямо сейчас выплеснуть из себя мерзкое чувство неполноценности, долгие годы разъедающее душу, словно раковая опухоль. Ему было просто необходимо ощутить ту власть, что дает сила. Да вот только мужик не женщина. Нужных эмоций все одно не получишь.

Положив мобильный обратно в карман пальто, Егор грубо рыкнул:

– Чего надо?

– Я думал, может, помощь нужна, – скользя настороженно-испуганным взглядом по лицу Потемкина, быстро пробормотал доходяга.

– Не требуется, – сквозь зубы прошипел маг разума.

– Как скажете, господин, – тотчас согласился рабочий. Помедлив, он остро взглянул на Егора и с очевидной нервозностью поинтересовался: – Вы же супруг покойной боярыни Изотовой? – Смахнув с лица дождевые капли, аферист поморщился и едва заметно кивнул. – Меня Потапом кличут. Я служу в крематории. Тела сжигаю, – доложил мужчина и с явным опасением опять осмотрелся. – И с вашей супругой вечор занимался, – добавил тише.

Брезгливо скривившись, Потемкин демонстративно медленно осмотрел собеседника с ног до головы и обратно. Сжавшись под его взглядом, тот продолжал все так же беспрестанно зыркать по сторонам. Однако не торопился уходить: он явно чего-то хотел.

Наверняка денег будет просить. Но боится, что коллеги увидят. Обнаглели вкрай.

– Нищебродам не подаю. Пшел прочь! – бросил презрительно. – Ползи обратно в свою вонючую конуру.

Заметив растерянно приоткрытый рот простолюдина, Потемкин пренебрежительно хмыкнул. Нагнулся, подобрал урну и уверенно направился к автомобилю. Открыв водительскую дверь, неожиданно краем глаза зацепил одинокую фигуру: невзирая на усиливающийся дождь, Потап по-прежнему стоял на дорожке. Вот же прицепился, репей!

В этот же миг работник крематория зло сплюнул на землю и резко махнул рукой, словно говоря: «Ну и ладно!». Затем, что-то бурча себе под нос, медленно побрел в сторону служебного входа.

Криво усмехнувшись, Егор сел за руль. С отвращением глянув на урну, небрежно кинул ее на сидение рядом. Затем, упершись затылком в подголовник, прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

Ему сегодня повезло. Дальше надо действовать продуманно и аккуратно. Теперь он будет крайне внимателен. Еще одного шанса господин не даст.

Машинально потерев шею, Потемкин в очередной раз глубоко вздохнул, а после завел двигатель. Через несколько мгновений неприметный серый седан выехал с территории крематория.

***

В небольшой, скудно обставленной комнатке царил полумрак. Плотно задернутые на окнах шторы не пропускали дневной свет. На старом шатком столе разместился огромный дорогой монитор, казавшийся удивительно чужеродным в аскетичном убранстве комнаты. В него безотрывно смотрел, неприятно хрустя пальцами, стройный светловолосый парень. На экране мелькали довольно непонятные картинки: то дорога, то приборная панель, а то и вовсе потолок. Однако блондин наблюдал за происходящим абсолютно невозмутимо.

Рядом со столом сидел симпатичный юноша в черной кепке. Оседлав стул задом наперед, парнишка со скучающим выражением на лице что-то рассматривал в телефоне. Чуть поодаль на затертом диванчике полулежал темноволосый мужчина. Свесив руку, он лениво поглаживал дремлющего на полу рыжего спаниеля.

Тихонько скрипнула дверь. Вошел щуплый, удивительно невзрачный тип, окинул внимательным взглядом помещение и поинтересовался:

– Что тут у вас? Матвей?

Вытащив микронаушник из уха, светловолосый, не отводя глаз от монитора, деловито доложил:

– Объект побывал у юриста, потом в крематории. Господин его слегка проучил. Теперь опять куда-то едет.

– Ясно, – усмехнулся щуплый. Повернувшись к лежащему на диване, сообщил: – Сергей, для вас с Лаки есть дело.

– Наконец-то, – с легкостью сев, темноволосый в ожидании посмотрел на начальника их небольшой, но профессиональной группы.

– Собирайся. Мы с тобой едем на рудник Изотовых. Устраиваемся на работу, – серьезно произнес тот.

Молча кивнув, мужчина быстро встал с дивана и подошел к шкафу. Распахнул мерзко скрипнувшую створку, достал невзрачную черную сумку. Мгновенно вскочив, рыжий Лаки радостно завилял хвостом.

– Алексей, что делаю я? – без тени нервозности поинтересовался у старшего юноша в кепке.

– Как и прежде: при необходимости, глаза и уши «в поле», – невозмутимо произнес щуплый. Заметив короткий кивок юноши, бросил взгляд на чем-то шуршащего в шкафу мужчину. – Сергей, жду вас на улице, – и вышел из комнаты.

Темноволосый закрыл протяжно скрипнувшие створки, поднял с пола увесистую сумку. Игриво помахав ладошкой остающимся коллегам, даже не взглянул на свою собаку и сразу направился к выходу.

Лаки особое приглашение не требовалось. Не задержавшись ни на миг, спаниель побежал за хозяином.

Глава 5

Василий завел двигатель и еще раз посмотрел на жену. Худенькая светловолосая женщина, невзирая на накрапывающий дождик, все так же стояла у калитки их небольшого, но уютного дома. Глядя на автомобиль, его любимая Аленушка грустно улыбалась.

Мужчина знал – супруга искренне скорбит о смерти боярыни. И не только беспокоится о нем, но и одновременно испытывает нешуточную тревогу за будущее всего рода бояр Изотовых.

Весь вчерашний вечер, сегодняшнюю ночь и утро Алена пыталась хоть как-то поддержать.

– Сердечный приступ даже у столь юной девушки, увы, не редкость, – печально улыбаясь, говорила женщина. – А при таком-то сумасшедшем ритме жизни и вовсе не случайность. Работала-то сколько госпожа! Плохо ела, мало спала, постоянные тревоги да заботы. Вот и не выдержало сердечко.

Поглаживая по крепкому плечу супруга, она тихонько плакала и сетовала на то, что вот и он себя не бережет, а давно уже стоило бы.

Слушая заботливое воркование жены, Василий привычно молчал и лишь упрямо поджимал губы. Он любил свою женщину и доверял ей, однако многое предпочитал не рассказывать.

Об отличной регенерации боярыни знало лишь несколько человек, в их число Аленушка не входила. Несмотря на заверения медиков, Софья Изотова просто-напросто не могла умереть от болезни сердца.

От чего же на самом деле скончалась госпожа? И как же он, Василий, не успел, не уберег?

Выбравшись из проулка на центральный проспект, автомобиль помчался к выезду из Ростова. Уверенно лавируя в плотном потоке машин, Василий следовал привычным маршрутом.

Следя за дорогой, мужчина снова подумал о том, что в роду Изотовых остались лишь две маленькие девочки, и их защита на сегодняшний день – первостепенная задача. В бизнесе все более-менее налажено, управляющий вполне справится самостоятельно. Непосредственное участие Василия, конечно, требуется, но рабочие дела подождут.

В первую очередь необходима информация. Однако у него по-прежнему нет нужных ресурсов, мало людей, да и время играет против. В данном же случае промедление в буквальном смысле может опять привести к смерти.

Василий не мог позволить, чтобы и с юными боярынями случилась беда. Не собираясь дальше продолжать осторожничать, он пару часов назад позвонил Савелию и попросил о встрече. Не задавая вопросов, тот сразу согласился.

Место и время для общения мужчины выбрали не случайно.

По прежде достигнутой договоренности внешний периметр деревни с находящимся внутри месторождением все так же охраняли воины князя Южного. С момента выставления постов охраны правая рука Разумовского-старшего приезжал в Степное только по одному ему ведомому распорядку. По мнению Савелия, воинам княжеского рода не следует расслабляться, они должны знать, что в любой момент их работу проконтролируют.

Договариваясь о встрече, мужчины решили совместить две задачи: проверить, как несут службу воины, и заодно пообщаться.

За время тесного сотрудничества двое высокоранговых слуг не то чтобы сильно сдружились, но находились в хороших отношениях. Вот только Василий не представлял реакцию Савелия на довольно деликатную просьбу. Однако никого другого попросить о подобном больше не мог. На кону стояла честь боярского рода Изотовых.

Размышляя о предстоящей встрече, Василий вновь и вновь прокручивал в голове события минувших дней. Чувство вины лежало на сердце тяжким грузом. Он слишком долго действовал по правилам, поступал так, как положено и принято. В итоге упустил драгоценное время, и эта ошибка главе рода стоила жизни.

Буквально за день до того как Софья внезапно вышла замуж и «уехала в свадебное путешествие», Василий отправился в деловую поездку. Появились серьезные проблемы в посредническом бизнесе рода, но присутствие боярыни на переговорах не требовалось. Он – директор данного направления, и сам вполне способен все разрешить. Это его зона ответственности.

О внезапном замужестве боярыни Василий узнал через сутки после ее поездки на ипподром. Позвонила Катерина. Сильно нервничая, девушка рассказала, что ей пришло сообщение от Софьи. Мол, вышла замуж, уехала в свадебное путешествие и когда вернется не знает. Даже прислала фото с мужем.

Конечно же, слуга тотчас насторожился. С личной жизнью у Софьи не складывалось. То, насколько сильно девушка переживала из-за княжича, Василий прекрасно видел. Да вот только в интересах рода госпожа должна выйти замуж. И раз она поступила так, а не иначе, значит, посчитала наилучшим решением. Слуге не следует вмешиваться в решения главы рода.

На всякий случай Василий все же решил перестраховаться: поручил четырем воинам, давшим клятву верности лично Софье Сергеевне, максимально аккуратно проверить информацию. Хотел быть уверенным, что боярыня действительно вышла замуж.

Выполняя распоряжение, недавние бандиты довольно быстро отыскали тот самый храм. Госпожа и вправду сочеталась браком с дворянином Егором Николаевичем Потемкиным. На церемонии присутствовали лишь они двое да священнослужитель.

Что тут скажешь? Софья Сергеевна – глава древнего боярского рода и вправе самостоятельно принимать решения. А если друзьям или слугам они не нравятся – не ее проблема. Но все же Василий распорядился потихоньку навести справки о супруге боярыни.

В поездке он задержался несколько дольше, чем предполагалось. Вернувшись через месяц с небольшим, первым делом отправился в дом Изотовых. Катерина сильно нервничала. Едва завидев усталого мужчину, тотчас сообщила, что Софья больше ей не писала и телефон боярыни всегда выключен. Девушка была уверена – с подругой случилась беда.

Надо признаться, на тот момент и сам мужчина уже подозревал неладное. К тому же о дворянине Егоре Николаевиче Потемкине информации в Южном княжестве не нашлось. Где живет постоянно, каким бизнесом занимается род, что из себя представляет за все это время выяснить так и не удалось. Словно муж Софьи Сергеевны призрак.

Можно придумывать оправдания многому, но факты вещь упрямая: не в характере боярыни так надолго оставлять семью и бизнес без присмотра.

Успокоив крайне встревоженную Катю, Василий аккуратно выведал всю известную ей информацию. Девушка подробно и без утайки рассказала о том, как ездили на ипподром, как Софья ушла с неизвестным мужчиной. Ну а после вновь показала то одно-единственное сообщение. Больше она ничегошеньки не знала.

А если у госпожи действительно нет проблем?

Но все же просто сидеть и ждать Фролов не мог. Первым делом он поинтересовался у бухгалтера, пользуется ли госпожа счетом рода. Тот откровенно удивился, но сообщил – только картой. Правда, не так активно, как прежде. Скорее, даже очень редко.

Эта новость хоть немного порадовала. Значит, в деньгах госпожа не нуждается. Похоже, ее потребности обеспечивает супруг. Вроде бы все в порядке, все так.

Да не так!

Характер Софьи Сергеевны не ложился на столь красивую картинку. Глава рода Изотовых не была легкомысленной, всегда заботилась о семье и следила за бизнесом лично. Неужели настолько устала, что плюнула на все, отключила телефон и уехала с супругом? Но куда? Ведь

ни на один самолет или поезд билеты на ее имя не покупались. Разве только молодожены отправились на машине.

Он мог бы насесть на бухгалтера и вытрясти у того все сведения по движению денег на карте. Сразу бы узнал где, в каком городе она что-то покупала. Но опять все упиралось в полномочия: слуга рода имеет право требовать такие данные лишь в случае острой необходимости. А есть ли эта необходимость? Боярыня ведь не пропала.

Василий беспрестанно думал и с каждым часом все больше нервничал. Кроме того единственного сообщения, от госпожи не поступало вестей почти два месяца. Муж боярыни также не пытался общаться ни с кем из близких Софьи. Девочкам никто не угрожал, их постоянно сопровождала охрана. Новых проблем ни у членов рода, ни в бизнесе не появилось, и казалось, будто боярыня действительно не желает пока общаться. Но мужчина чувствовал – что-то не так. Увы, руки у него по-прежнему были связаны.

За четыре дня до трагических событий поступил звонок с неизвестного номера. Этот короткий диалог намертво отпечатался в памяти Василия.

Ему позвонил не кто иной как сам Егор Николаевич Потемкин. Не здороваясь, высокомерно представился. А после с непередаваемо омерзительной интонацией поинтересовался, как дела у близняшек. Не отвечая на вопрос, Василий твердо сообщил: о делах и членах рода Изотовых будет разговаривать только с главой.

Хмыкнув, Потемкин замолчал, в динамике зашуршало. А через бесконечно долгие мгновения раздался до боли знакомый голос:

– Ты хотел меня слышать? – крайне устало поинтересовалась боярыня.

– С девочками все в порядке, – произнес слуга и замер, словно натянутая струна.

– Отлично, – прошелестело в ответ. – Я немного приболела. Помощь не нужна. Поправлюсь – сама позвоню, – сделав акцент на последней фразе, госпожа сухо добавила: – Девочкам и Кате передай, что я их люблю, – и связь прервалась. Естественно, перезвонить на не определившийся номер нельзя. Так же, как и выяснить где находится абонент.

Отбросив все сомнения и наплевав на надоевшие до оскомины правила, Василий принялся за активные поиски. Он обязан найти главу рода! А дальше будь что будет.

Через полчаса у воина уже была информация о местах, где совершала покупки госпожа. Боярыня Изотова, похоже, никуда не уезжала из Ростова. Но вот почему-то пользовалась картой в разных районах и строго через день.

Найти в многомиллионном городе женщину, если она сама того не желает или ее прячут, можно, но требуется время. Боярыню круглосуточно искали все свободные от охраны рудника воины рода, да только опоздали. Василий опоздал.

В тот день, когда круг поиска сузился, и мужчины уже примерно понимали, где скорее всего находится боярыня, вновь позвонил Потемкин.

На этот раз в его голосе не чувствовалось высокомерия, напротив, отчетливо слышались растерянность и страх. Сообщив о смерти Софьи Сергеевны от сердечного приступа, дворянин, тяжко вздохнув, добавил, что процедура прощания состоится через час в городском крематории.

Не веря и надеясь на чудо, Василий вместе с шестью воинами помчался в крематорий. К сожалению, страшное известие оказалось правдой. Боярыня действительно ушла к предкам. А ее супруг… Трагическую весть Потемкин соизволил сообщить лишь Василию. Ну а вездесущие журналисты, как всегда, узнали откуда-то сами.

После скромной церемонии прощания Василий дождался, когда настырные репортеры разъедутся. А потом, незаметно отведя вдовца в сторонку, впервые поговорил с ним тет-а-тет. Точнее, больше говорил Потемкин, а Василий внимательно слушал и изучал мужчину. Слуга не почувствовал в муже боярыни той самой силы, и это, надо сказать, порадовало. Никчемней главы для рода трудно сыскать.

И чем больше говорил Егор, тем все больше недоумевал Василий. Как, ну как Софья Изотова умудрилась выбрать в мужья столь трусливого, слабого человечишку? Нет, не могла она по своей воле выйти замуж за такое убожество. Но почему-то вышла. Да и отчего плохо себя чувствовала перед смертью?

Вопросы копились и наслаивались друг на друга. Головоломка становилась все запутанней. Однако наседать на Потемкина преждевременно: тому имелись очень веские причины. Надо смотреть на его дальнейшие действия.

Общаясь, Василий отчетливо видел, насколько сильно мужчина нервничает. Егор изображал скорбь, но откровенно чего-то или кого-то до ужаса боялся. Все сомнения в том, что к внезапной смерти Софьи он приложил руку, исчезли без следа: для «безутешного вдовца» кончина супруги, определенно, стала полной неожиданностью. Но умудренный жизнью воин понял еще кое-что: дворянин Потемкин, даже если не убивал боярыню, к ее болезни точно причастен.

И теперь выяснение того, кто такой Егор Николаевич Потемкин, стало острой необходимостью. Если за ним стоят серьезные люди, то это сильно меняет дело. Именно для того и нужен был Савелий. Как правая рука князя, тот мог очень и очень многое.

Подъезжая к Степному, Василий издалека увидел знакомый черный внедорожник. Савелий уже приехал.

Остановившись неподалеку, слуга рода Изотовых заглушил двигатель. Вышел из автомобиля, коротко кивнул дежурному воину и уверенно направился в помещение охраны. Зайдя, цепким взором скользнул по многочисленным мониторам и сидящим около них крепким мужчинам в униформе княжеского рода.

Савелий, как всегда, не изменил своим привычкам: не отвлекая воинов от работы, медленно прохаживался за их напряженными спинами.

Целенаправленно нервирует. Вот изверг.

Глянув на Василия, правая рука князя усмехнулся. Жестом остановил начавших подниматься для приветствия воинов, подошел ближе. Протянув руку, спокойно произнес:

– Приветствую. Рад встрече.

– Взаимно, – пожимая крепкую ладонь, отозвался Василий. Не желая откладывать важный разговор, добавил: – Пойдем на свежий воздух?

Коротко кивнув, слуга рода Разумовских грозно глянул на подчиненных, а затем следом за Василием неторопливо вышел из помещения.

Не сговариваясь, мужчины сели в черный внедорожник.

– Что стряслось? – серьезно поинтересовался Савелий.

– Мне нужна максимально развернутая информация по дворянину Егору Николаевичу Потемкину, – твердо произнес Василий. – Чем скорее, тем лучше.

– Хм, – Савелий встретился со слугой рода Изотовых взглядом и тихо поинтересовался: – Есть подозрения?

Василий нахмурился, затем кивнул и уверенно произнес:

– Более чем.

Многозначительная тишина повисла в салоне. Слуга князя задумчиво почесал бровь ногтем и неожиданно признался:

– Игорь Владимирович тяжело переживает смерть боярыни. Он пока не спрашивал о Потемкине, но скоро потребует отчета. Я его знаю, – мужчина едва заметно усмехнулся. – Так что не волнуйся. Интересы наших родов здесь полностью совпадают. Информация никуда не уйдет, будь уверен. Поделишься своей? – прищурившись, посмотрел на Василия. Видя, как тот напряженно размышляет, понятливо хмыкнул и внезапно сказал: – Я не верю в смерть от сердечного приступа. О ее нереальной регенерации знаю не понаслышке. Видел лично, –

заметив искренне удивление на лице слуги рода Изотовых, добавил: – И князь видел. Прости, большего не скажу. Клятва.

– Понял, – кивнул Василий, вернув привычную невозмутимость. Помолчав, он тихо сказал: – Ты знаешь князя, я знаю… – запнувшись, поправил сам себя: – …знал боярыню лучше, чем кто-либо. Не могу понять, почему она так срочно вышла замуж? Да еще и за этого, – Фролов весьма характерно поморщился. – Дело явно нечистое. Второе: Потемкин жутко испуган. Он совершенно точно не убивал госпожу. Но к ее внезапной и непонятной болезни причастен, не сомневаюсь.

– Ух ты! – удивленно качнул головой Савелий. – Стал главой рода? Сделки проходили?

– Я не увидел в нем силы, – усмехнулся Василий. – Незапланированных сделок не проводилось. У рода новых проблем также нет.

– Не понимаю, – задумчиво пробормотал Савелий.

– Вот и я не понимаю, – искренне признался слуга рода Изотовых.

– Он же, как вдовец, имеет право взять опеку над сестрами Софьи, – остро глянул на коллегу Савелий. – Ваша рыжая Катя, насколько я помню, единственный вассал Изотовых. Ты знаешь, какую клятву она давала?

– Боярыне, как главе рода.

– Тогда, значит, имеет право на опеку. Девочки ее знают, разумеется, выберут Катю, а не неизвестного мужика. В чем выгода Потемкина? У боярыни осталось много имущества?

– Софья Сергеевна все оформляла на сестер. Личного счета нет.

– Совсем ничего не понимаю, – пожав плечами, Савелий поставил локти на руль. Задумчиво глядя в лобовое стекло, он напряженно размышлял.

– Я тоже не вижу логики, – тяжело вздохнув, признался Василий.

После длительного молчания Савелий внимательно посмотрел на хмурого собеседника и, усмехнувшись, тоном уверенного человека произнес:

– Давай без утайки. Мы оба думаем, что у Потемкина что-то сорвалось и пошло не по плану.

– Согласен, – едва заметно улыбнулся Василий. – Потемкин – темная лошадка. Но меня больше беспокоит другое: есть ли у него хозяин, – мужчина многозначительно замолчал.

– Я тебя услышал. Сделаю все, что в моих силах и возможностях, – серьезно пообещал доверенное лицо могущественного князя Южного.

– Значит, скоро будут ответы на все вопросы, – скупо обронил Василий.

Беззвучно засмеявшись, Савелий завел двигатель. Внедорожник грозно рыкнул и помчался вдоль высоченного забора: настало время проверить посты.

Глава 6

Этот же день

Вечерело, по окнам барабанил дождь. Тесно прижавшись друг к другу, заплаканные близняшки наконец-то заснули, впервые за целые сутки.

Аккуратно закрыв дверь в комнату Лизы, Катя прижалась спиной к стене. Крупные слезы мгновенно потекли по щекам. Она не плакала при девочках. Но сейчас, когда сестренки Сони спят и не тянутся к ней в поисках защиты, эмоциям можно дать волю.

Сонечка… Ну как же так? Почему так несправедливо?! Что теперь будет с девочками? Что делать дальше?

Прижав ладони к лицу, рыжеволосая девушка беззвучно заплакала. О смерти Сони вчера рассказал Василий. Приехав сразу после процедуры прощания, он не утешал, не говорил, что все непременно наладится, но своим присутствием хоть немного успокаивал. Пробыв в доме Изотовых до глубокой ночи, мужчина в очередной раз проверил усиленные им посты охраны и уехал. Оставаться с ночевкой не имело смысла. Дом под надежной защитой, а утешать горько плачущих малышек воин просто-напросто не умел.

Отправив убитую горем Надежду отдыхать, Катя всю бессонную ночь и практически весь следующий день ни на миг не отходила от близняшек. Ей очень хотелось забиться в уголок, побыть наедине с горем. Да вот только нельзя позволить себе эту роскошь: к ней доверчиво прижимались две десятилетние девочки. У малышек теперь остались лишь слуги и она – вассал рода, подруга старшей сестры.

«Нашла, где реветь, – одернула себя Катя. – Не хватало еще девочек разбудить».

Вытерев тыльной стороной ладони опухшие от слез глаза, девушка тихонько прошла в свою комнату. Умывшись ледяной водой, тщательно заплела косу. Мельком глянула на отражение в зеркале и глубоко вздохнула: бледная, взгляд потухший. Впрочем, какая разница? Не до красоты теперь.

По-детски шмыгнув носом, вышла из спальни, бесшумно прошла через общую комнату, спустилась на первый этаж и зашла в кухню. Сегодня ей с горем пополам удалось накормить близняшек, но сама так толком и не ела.

Поседевшая за эти сутки Надежда ходила тенью. Пытаясь приготовить ужин, женщина то и дело застывала на месте, невидяще глядя в одну точку.

Пару мгновений постояв в раздумьях, Катя подошла к экономке, которая, не замечая ничего вокруг, вертела в руках пустую кастрюльку. По растерянно-недоуменному выражению лица было понятно – не помнит, зачем взяла.

– Надежда, – тихо позвала девушка. Медленно повернув голову, экономка скользнула пустым взглядом по Кате. – Иди к себе, – ласково дотронувшись до ее плеча, юная дворянка изо всех сил старалась не расплакаться. – Девочки уснули. Я сама справлюсь. Тебе нужно отдохнуть.

Вновь задумчиво посмотрев на идеально чистую посуду, Надежда поставила ее обратно на полочку. Не отрывая взора от ровного строя кастрюль, едва слышно произнесла:

– Только продукты зря перевожу. Ничего не выходит. Как жить-то будем дальше, Катенька? – а потом повернулась, не скрывая боли в глазах.

Не в силах выдержать этот взгляд, девушка медленно опустила взор, не зная, что ответить. Да и не смогла бы. Горло перехватили спазмы, хотелось зареветь в полный голос. Но нельзя. Надежде станет только хуже.

– Добрый вечер, – неожиданно раздалось от двери.

Быстро обернувшись, Катенька увидела стоящего на пороге Никиту.

– Какой же он добрый, Никитка? – прошелестела Надежда. – Осиротели мы без боярыни нашей, – по-старушечьи шаркая ногами, женщина вышла из кухни. Через несколько мгновений тихонько хлопнула входная дверь.

С силой прикусив изнутри губу, девушка шумно втянула носом воздух: слезы грозили пролиться водопадом, и она попыталась их удержать.

– Иди сюда, – с бесконечной заботой произнес юноша. Видя, что возлюбленная мешкает, быстро преодолел разделяющее их расстояние. Нежно обняв, ласково погладил по голове и шепнул: – Почему ты не позволяла мне приехать?

Катя не выдержала. Уткнувшись в грудь парня, зарыдала в голос. Заливая слезами его рубашку, невнятно пробормотала:

– Девочки. Надежда. Плакать нельзя. Я не такая сильная, как Соня. Не могу. Не могу! Невыносимо!

Осторожно поглаживая ее по голове и спине, Никита молчал: ждал, когда слезы чуть поутихнут. Вскорости она и вправду несколько успокоилась. По-прежнему не отрывая лица от груди любимого, лишь тихонько всхлипывала.

– Душа моя, позволь быть рядом, – приподняв девичий подбородок, он заглянул в опухшие от слез глаза. – Я хочу быть с тобой и в горе, и в радости. И пусть сейчас не лучшее время, – примолкнув на миг, проникновенно добавил: – Выходи за меня замуж.

Катя оцепенела, не в силах отвести глаза от бесконечно дорогого человека. Она так ждала этого предложения. Много ночей мечтала, как все произойдет, а после они с Соней будут вместе выбирать фасон свадебного платья.

Тихонько заскулив, вновь уткнулась лбом в его грудь и заплакала еще горше. Бережно поглаживая любимую по вздрагивающей спине, Никита зашептал ей милые глупости.

Потеряв счет времени, влюбленные, прижавшись друг к другу, стояли в центре кухни. В их позе и едва слышных словах Никиты не было ни намека на пошлость, лишь забота и нежность.

– Да вы совсем оборзели! – внезапно нарушил идиллию громкий мужской голос.

Резко повернувшись на звук, парень спрятал Катеньку за спину и посмотрел в чернильно-черные глаза Егора Николаевича Потемкина. Позади того стоял хмурый Ярослав. Не пропустить вдовца в дом воин не имел права, но, помня приказ Василия, едва Егор зашел за калитку, не отходил ни на шаг.

– Хозяйку только похоронили, а слуги уже вовсю в боярском доме обжимаются. Не пришел бы я сейчас, так в господской постели небось кувыркались бы, – меж тем с презрением процедил вдовец. – Радуешься поди, нищебродка? – высокомерно кинул выглядывающей из-за спины возлюбленного Катеньке.

Кровь резко прилила к щекам девушки. Бежать! Бежать куда подальше! Как же стыдно-то!

Неожиданно в памяти всплыли слова Сони: «Никто не сможет тебя унизить, пока сама не позволишь». Сжав добела кулачки, она сделала маленький шажок в сторону, смело посмотрела на мужа Софьи и ровно произнесла:

– Следите за словами. Я – потомственная дворянка и вассал рода Изотовых.

– А так сразу и не скажешь, – многозначительно ухмыльнулся Потемкин. – Юноша рядом, часом, не воин и слуга рода?

Какой же он мерзкий! Отчего тогда, на ипподроме, так не казалось?

– Что с того? – непостижимым образом сохраняя хладнокровие, пожала плечами Катя. – Никита Васильевич Фролов – дворянин и, да будет вам известно, сделал мне официальное предложение. Ничего предосудительного мы не делали. Ваши гнусные инсинуации неуместны.

Задумчиво посмотрев на девушку, Егор пару мгновений помолчал, а после хмыкнул и произнес:

– В таком случае, примите мои поздравления, – дождавшись, когда юная дворянка перестанет хмуриться и смущенно потупит взор, ледяным тоном добавил: – Мне, в принципе, все равно, кто с кем шуры-муры крутит. Главное, не в господском доме. Собирайте, девушка, вещички, и на выход. Я подобного терпеть не стану, – в его голосе отчетливо слышалось презрение и надменность. Неспешно смерив Катерину взглядом с головы до ног, Потемкин брезгливо скривился, а после отрывисто бросил: – Где девочки? Приведите. Я хочу их немедленно видеть.

Покраснев до корней волос, Катя вновь гордо вздернула подбородок.

– Девочки отдыхают. Будить не позволю, – чеканя слова, она не отводила глаз. – А насчет того чтобы я собирала вещи и уходила, – глубоко вдохнув, юная дворянка уверенно закончила: – Не вы хозяин и не вам решать.

– Да что ты говоришь? – вновь нарочито перейдя на «ты», протянул Потемкин и мерзко ухмыльнулся. Демонстративно медленно пройдя по кухне и не обращая внимания на напряженного Никиту, приблизился к девушке. Подняв руку, хотел прикоснуться к ее плечу, но та резко сделала шаг назад.

– Вы забываетесь, – быстро встал между возлюбленной и вдовцом парень, с явной угрозой смотря на мужчину.

– Не нервничайте, юноша, – язвительно усмехнулся Потемкин, глядя на младшего Фролова с откровенной издевкой и превосходством. – Не забывай, ты – слуга и никогда не сможешь причинить мне вреда, – переведя взор на Катю, насмешливо хмыкнул и процедил: – Я, законный муж боярыни, беру опеку над девочками. Если до этого момента не уберешься сама, вышвырну, словно паршивую собаку!

Резко развернувшись на каблуках, мужчина вышел из кухни. За ним тенью последовал угрюмый Ярослав. Через миг послышался звук закрывающейся входной двери.

Катя мелко задрожала: напряжение дало о себе знать. Сердце тревожно ныло. Как же уберечь малышек от мерзавца?

– Что же теперь делать? Уморит же близняшек, – ища совета и поддержки, Катенька с тревогой посмотрела на возлюбленного.

Тотчас мягко приобняв за плечи, Никита привлек ее к себе. Не выпуская любимую из объятий, достал из кармана телефон. Быстро нашел нужный номер, нажал кнопку вызова.

– Слушаю, – прозвучал из динамика спокойный голос Василия.

– Отец, я у Изотовых. Приезжал Потемкин. Собирается брать опеку, гонит Катю из дома, – скупо доложил парень.

– Уже еду, – невозмутимо произнес Фролов-старший. Помолчав, через мгновение добавил: – Напои ее чаем.

Не прощаясь, юноша нажал на отбой связи. Нежно поцеловал девушку в губы, а потом тихо, но уверенно сказал:

– Вместе мы обязательно что-нибудь придумаем. Ты же знаешь, род – это семья, а в семье своих не бросают.

Быстро стерев ладошками опять наворачивающиеся слезы, Катя неуверенно улыбнулась. Вновь легонько поцеловав, парень усадил возлюбленную за стол. Деловито достал с полки заварочный чайник и поинтересовался у бледной как снег Катеньки:

– Подскажешь, где чай?

– Справа, первый от тебя шкафчик, – едва слышно отозвалась девушка и принялась вставать. Никита отрицательно качнул головой:

– Сиди. Я сам.

Повернувшись к кухонным шкафам, юноша сразу же открыл нужную дверцу. Пошуршал многочисленными пакетиками, выбрал несколько и принялся колдовать над напитком.

Наблюдая за уверенными действиями любимого, Катенька впервые за эти жуткие, эмоционально тяжелые дни позволила себе расслабиться. Никита так похож на Василия. Такой же спокойный, деловитый, уверенный. Он станет хорошим мужем и отцом.

«Стоп! – подумала с испугом. – Сонечка умерла, а у меня мысли о муже и детях! Плохая я подруга».

Не успев начать корить себя за черствость, Катенька внезапно ощутила глубоко-глубоко в душе крошечный огонек надежды. Сама не зная отчего, она почувствовала – все непременно будет хорошо. Это казалось полным бредом, но откуда-то появилась робкая мысль, что Соня не умерла. Боясь спугнуть такое умиротворяющее чувство, Катя застыла недвижимо.

Тонкий аромат свежезаваренного чая поплыл по кухне. Наполнив большую кружку, Никита поставил ее перед Катенькой. Затем придвинул к любимой плетеную корзиночку с выпечкой и ласково произнес:

– Ешь и пей.

Благодарно кивнув, Катя откусила кусочек имбирного печенья и начала пить благоухающий цветами напиток. А парень принялся развлекать ее рассказами о разных пустяках, умышленно стараясь избегать тревожных тем. Он излучал уверенность и спокойствие, но только внешне. Юноша волновался и не знал, что делать. Ситуация сложилась крайне неординарная.

Любимую девушку младший Фролов мог забрать прямо сейчас. Да и жениться был готов безотлагательно. Парень давно жил самостоятельно, спортивная школа приносила неплохой доход – обеспечить жену не проблема. Но как поступить с близняшками? Вся надежда только на опыт и мудрость отца.

Бесшумно войдя в кухню, Василий сразу же обратил внимание на сидящих за столом. Видя, с какой любовью сын держит за руку юную дворянку, печально улыбнулся. Против Катерины мужчина ничего не имел. Даже больше – был бы искренне рад видеть ее невесткой. Да вот только Фролов-старший знал то, о чем даже и не подозревали влюбленные: они не смогут быть вместе. И об этом ему придется сказать прямо сейчас.

– Добрый вечер, – привлек он внимание тихонько беседующей молодежи.

– Здравствуйте, отец, – вскочил со стула Никита.

– Здравствуй… те, – запнувшись, Катенька смущенно порозовела. Прежде она всегда обращалась к слуге боярского рода на «ты». Но после предложения Никиты все изменилось. Теперь Василий – отец жениха.

Заметив эту заминку, мужчина остро глянул на сына. Тот ответил смелым, прямым взглядом и спокойно произнес:

– Отец, я хочу вам сообщить, что сегодня сделал предложение руки и сердца Катерине.

В глазах Фролова-старшего поселилась едва заметная грусть. Подойдя к столу, он сел, по-отечески посмотрел на Катеньку и тихо поинтересовался:

– Катерина, вы уже дали согласие?

– Еще нет, – покраснев, едва слышно отозвалась та.

– Прежде чем ответите, я должен кое-что рассказать. Не стой истуканом, сядь, – бросил Василий сыну и перевел взгляд на удивленно-растерянную девушку. – Сегодня вы пообщались с вдовцом боярыни. Какой он человек, думаю, уже поняли, – видя синхронно сморщившиеся носы влюбленных, усмехнулся. – Потемкин действительно имеет право взять опеку над юными боярынями, – опытный воин вздохнул, начиная тихо себя ненавидеть. К сожалению, иного выхода и правда не было. – Но и вы, Катерина, тоже. Вы – вассал, давший клятву верности главе рода, и имеете такое же право на опеку.

Глаза Катеньки тотчас засияли. Быстро глянув на Никиту, она искренне улыбнулась.

– Так это же очень хорошо! – воскликнула радостно. – Я только не понимаю, при чем тут предложение Никиты, – девушка густо-густо покраснела.

– Фроловы – слуги рода. Дворянство нам даровано боярином Изотовым. Выйдя замуж за слугу, вы утрачиваете статус вассала и сами становитесь слугой. Даже если успеете взять опеку над юными боярынями, то после заключения брака с Никитой автоматически теряете на нее право, – Василий с искренним сожалением посмотрел на ошарашенную Катю.

Повисла звенящая тишина. Долг перед родом или личное счастье?

Застыв на месте, Никита не сводил глаз с возлюбленной. Парень знал, какой выбор она сделает. Впрочем, и Василий не сомневался. Только что он самолично лишил юную пару шанса быть по-настоящему вместе.

– Я совсем не понимаю в бизнесе, – тихо сказала Катенька.

– И не надо, – тяжко вздохнул Фролов-старший. – Управляющий отличный. Я также буду все контролировать. Вам не придется вникать в нюансы.

– До совершеннолетия девочек семь лет, – тихо промолвила Катя. – Не так уж и долго, – с тоской взглянув на бесконечно любимого юношу, сжала губы и быстро отвернулась к окну. Помолчала, а после медленно произнесла: – Возможно, прозвучит горячечным бредом, но я думаю, что Соня не умерла. Мне кажется, она скоро придет, и все станет у всех нас хорошо, – повернувшись к мужчинам, посмотрела на них, широко распахнув глаза. Крупные горошины слез текли по девичьим щекам.

Молча взяв ладонь любимой, Никита коснулся запястья губами. В душе парня плескалась боль и понимание. Фролов-младший и сам поступил бы точно так же.

Меж тем, не сводя с Катерины внимательного взгляда, Василий едва заметно подался вперед. Он сам видел боярыню в гробу и знал, что тело сегодня кремировали. Но Катя давала вассальную клятву главе рода в родовом храме. Вдруг все не так, как кажется?

– Я не считаю ваши слова бредом. И сам очень хотел бы в это верить, – твердо произнес Василий. – А пока, если вы решили брать опеку над юными боярынями, нам стоит заняться документами.

– Хорошо, – кивнула она. Грустно улыбнулась возлюбленному и только ему одному сказала: – Соня нас сплотила, подарила величайшую ценность – семью. Мы все не кровные родственники, но ближе людей просто быть не может. Я перестану себя уважать, если разрушу созданное ею.

– В настоящей семье своих не бросают, – повторил Никита.

«Софью Сергеевну порадовали бы такие слова», – одобрил Василий, не произнося ни звука и с бесконечной печалью смотря на молодое поколение.

***

Вдох-выдох. Зубы выбивают чечетку. Впрочем, озноб и боль во всех мышцах привычны, они пройдут. Надо просто переждать, перетерпеть. Сейчас, когда артефакты не блокирую мою силу, регенерация начала работать на полную мощность. Но боже, как же больно-то!

С головой закутавшись в теплое одеяло, я сидела, покачиваясь, в центре большой кровати. Смутно помнилось, как архитектор на руках занес меня в эту комнату. Огромные окна зашторены. Это хорошо, очень хорошо. Словно вампир, я сейчас предпочитала находиться в темноте.

Тихонько скрипнула дверь. Неяркий свет из коридора очертил мужской силуэт. Зажмурившись, едва слышно застонала. Даже тусклое освещение вызывало сильную боль в глазах.

Плотно затворив за собой дверь, мужчина подошел к кровати. Сел на краешек, тяжко вздохнул.

– Быстро приходишь в себя. Отличная регенерация, – произнес спокойно. – Что расскажешь, боярыня?

– А что ты хочешь услышать, архитектор? – выдохнула в ответ и замерла. Этого разговора я ждала и опасалась.

– Ну, для начала, неплохо бы узнать, почему я не должен сообщать о твоем воскрешении безутешному вдовцу, – хмыкнул мужчина. – Нет, должен, конечно. Но пока думаю. Ты пробудила мое любопытство, муза.

Глава 7

Повисла напряженная тишина. Мелко дрожа и кутаясь в одеяло, я не отводила тяжелого взгляда от сидящего рядом мужчины. И усиленно думала. Время шло, а нужных слов пока не находилось.

Может, не заморачиваться и сказать правду? Поведать о том, что муженек мой садист? Рассказать, как два бесконечно долгих месяца сидела взаперти, в блокирующих силу браслетах да под наркотиками? Это ли не самое лучшее объяснение, почему не стоит сообщать Потемкину о моем «воскрешении»? Да вот только я ничегошеньки не знаю об архитекторе.

Ладно, потяну время, а после решу.

– Для начала, неплохо бы познакомиться, – сообщила, громко клацая зубами и цепляясь за края одеяла, которое так и норовило сползти.

– У-у-у… Правила – наше все? – глубокомысленно поинтересовался мужчина. Затем, хмыкнув, встал, выпрямившись, удостоверился, что не свожу с него взгляда, и торжественно произнес: – Разрешите представиться: потомственный дворянин, личный архитектор его императорского величества Назар Тихонович Краснопольский, – прижав ладонь к расстегнутой на груди свободной рубашке, дурашливо поклонился. А после с ехидством добавил: – Восставшей из мертвых боярыне не стоит утруждать себя, называя имя. Я и так знаю.

– П-положительно, есть с-с-свои п-плюсы в извес-с-стности, – пробормотала, выстукивая дробь зубами.

– Есть и минусы, – многозначительно заметил человек императора, вновь усаживаясь на прежнее место. – Давно сидишь на наркотиках, муза?

– Почему вы так решили? – старательно контролируя голос, постаралась сказать как можно безэмоциональнее. Архитектор сейчас намекнул на очень опасную вещь: если мое имя свяжут с наркотиками, репутации рода бояр Изотовых конец.

Слабыми пальцами продолжая стягивать края одеяла, сквозь спутанные волосы неотрывно смотрела на мужчину. Что он за человек и чего ожидать, я пока не понимала.

– Муза-а-а, – меж тем насмешливо протянул Назар, – давно в зеркало заглядывала? – театрально хлопнув себя по лбу, с притворным сожалением вздохнул. – Прости, не подумал – в гроб же зеркало не кладут, – выдержав короткую паузу, неожиданно строго заявил: – Всю кровать грязью заляпала. Белье, между прочим, дорогое!

– Претензия не ко мне. Скорее, к вам и вашему гостеприимству, – отозвалась невозмутимо.

– А мне нравится твоя здоровая наглость! – хохотнул Краснопольский. Снова встав с кровати, серьезно и спокойно сообщил: – Тебе сейчас лучше, но это ненадолго. Постарайся успеть принять душ. Из комнаты направо, – жестом указав на смутно виднеющуюся в темноте дверь, вновь посмотрел на меня и добавил: – Освещение поставил на минимум, но потерпеть все же придется. Специальных ламп не держу, уж извини, – демонстративно развел руками. – Не планировал мертвую и грязную боярыню-наркоманку сегодня принимать.

Плавно развернувшись, мужчина подошел к выходу из комнаты. Дверь он начал открывать нарочито медленно, и я крепко зажмурилась. А услышав тихий хлопок, вздохнула: Краснопольский явно догадался, от чего я страдаю, но почему-то помогал. Вопрос – что им движет?

Постанывая, сползла с кровати и направилась в душ, волоча по полу одеяло. Архитектор прав – помыться точно не помешает. Распахнув дверь, дрожащей рукой нащупала выключатель. Мягкий свет тотчас залил ванную комнату. Мучительно застонав, закрыла ладонью мгновенно заслезившиеся глаза.

Как же больно!

Не отрывая ладони от лица, с горем пополам прикрыла за собой дверь. Скинув одеяло с плеч, опустила голову. Глаза все так же резало. Похлопав веками, подождала немного, пока боль станет чуть меньше. Постепенно сквозь мутную пелену перед взором проступил безобразно грязный подол серого платья: похоронный наряд остался при мне. Да какая, в сущности, разница?

Жмурясь, осмотрелась. Кремовая плитка на стенах, гигантская черная ванна, такого же цвета санузел. Углядев матово поблескивающую душевую кабину, меленькими шажками направилась к ней.

Остановившись у раздвижной двери, принялась стягивать с себя грязную тряпку, когда-то бывшую платьем. Пальцы тряслись, не слушались, а по спине и лбу струился ледяной пот. Дотянув платье до шеи, устало прислонилась плечом к прохладной стене. Немного передохнула, а затем единым рывком стащила ненавистную тряпку и бросила на пол.

«Видимо, в этом мире покойникам трусы не положены», – безэмоционально отметила полное отсутствие на теле нижнего белья.

Держась за стену, обошла валяющееся платье, осторожно забралась в душевую кабину. Едва закрыла за собой дверцу, сверху полилась вода: не холодная, не горячая – именно такая, как нужно.

Выберусь, надо домой подобную технику установить.

Упругие струи принялись смывать грязь, пот и соль. Падая на плечи, вода ручейками стекала по шее, спине, ягодицам, ногам. Но, очищая тело, она, увы, была не в силах излечить израненную душу.

Воспоминания о пережитом нахлынули неожиданно. Одновременно с ними пришла та самая дикая боль. Не сумев сдержать мучительного крика, я резко осела. Все до единой мышцы в теле скрутила судорога.

Корчась на полу от нестерпимой муки, прикусила до крови губу и, поскуливая, попыталась сжаться в малюсенький комочек. Ненамного, но все же стало легче. Эта пытка знакома. «Заботливый» Потемкин прерывал ее лишь очередной «дозой».

Но на мне больше нет треклятых артефактов! Я справлюсь! Все пройдет. Надо просто потерпеть.

– Да что ж такое! – послышался откуда-то раздраженный мужской голос. – Вечно от тебя одни проблемы!

Смутно воспринимая происходящее, сквозь боль ощутила, как сильные руки подхватили под колени и плечи. Резкий рывок. Я судорожно вцепилась в рубашку Краснопольского.

– Не отдавай мужу, – прошептала искусанными, окровавленными губами.

– Удивила. Думал «поправиться» попросишь, – язвительно пробормотал Назар и вынес меня из душа. Его практически неслышимые шаги набатом стучали в голове.

Аккуратно положив на довольно твердую поверхность, набросил сверху на мое обнаженное тело что-то мягкое. Я оказалась в темноте, укрытая с головой то ли пледом, то ли одеяльцем, не имея ни малейшего представления, где нахожусь. Накатившая лавиной боль застыла в наивысшей точке. Тело самопроизвольно свернулось калачиком, и я изо всех сил постаралась абстрагироваться от мучений.

Господи, как же больно!

Куда делся архитектор, сейчас абсолютно не волновало. Скрипя от боли зубами, судорожно цеплялась за укрывающую меня тряпочку. Держаться помогали лишь кровожадные мысли о мести.

Пройдет. Надо просто потерпеть. Потемкин, если выживу, сама тебя убью!

– Жива? – неожиданно послышался спокойный голос Краснопольского.

Взявшись за краешек одеяла, он резко сдернул его с головы. Падающий откуда-то сбоку призрачный лунный свет осветил фигуру сидящего предо мной на корточках мужчины. Тяжело

дыша, я смотрела на человека императора, а тот, в свою очередь, внимательно изучал мое искаженное гримасой боли лицо.

Посидев так несколько долгих мгновений, хмыкнул. А после протянул большую кружку с отвратно воняющей жидкостью.

– Пей! – приказал безапелляционно.

– Нет, – едва заметно мотнула головой.

– Дело хозяйское, – глубокомысленно пожевал губами Назар и сухо добавил: – Сдохнуть на моем диване не позволю. Звонить твоему «любимому»?

– Нет, – мой голос напомнил карканье испуганной вороны.

– Пей! – вновь приказал Краснопольский.

Приподнявшись, тяжело оперлась на предплечье. Одеяльце соскользнуло, обнажив плечи и грудь, но я, неотрывно смотря в глаза мужчины, не обратила на такой пустяк внимания. С выбором совсем негусто: либо вернуться к садисту, либо выпить непонятную дрянь.

Впрочем, если бы хотел сделать плохое, уже сделал бы.

Протянув подрагивающую руку, попыталась взять кружку непослушными пальцами. Не удержала. Мгновенно поймав ее, архитектор сокрушенно вздохнул. Осторожно поднес к моим губам, замер. Чуть подавшись вперед, сделала несколько маленьких глотков. Тут же почувствовала вкус просто запредельной горечи. Скривившись, отстранилась.

– Допивай, – велел сурово.

Тяжело глянув на Краснопольского, с силой выдохнула. Быстро допила все до капли и устало упала обратно на диван.

– Вот и молодец, – неожиданно миролюбиво сказал Назар. – Скоро полегчает, а потом уснешь.

Деловито поправив на мне одеяльце, он встал. Постоял пару мгновений недвижимо и отошел, унося с собой пустую кружку.

Меж тем гадкий на вкус и омерзительный на запах напиток, определенно, подействовал. С явной неохотой боль начала отступать. Боясь нового витка, я лежала с закрытыми глазами и старалась не шевелиться.

Послышался тихий шелест. Затем диван немного прогнулся, и за спиной кто-то лег. Сильные руки крепко обняли.

– Что за дела? – поинтересовалась хрипло.

– Ты совсем обнаглела? – возмущенно выдал Краснопольский. – Мою кровать изгваздала, захватила диван! А я, знаешь ли, спать на полу не собираюсь, – добавил решительно.

Откровенно говоря, меня не особо интересовало, кто сейчас лежит рядом. Сил просто не было. Разговаривать не хотелось. Однако, натягивая на грудь одеяло, глухо пробормотала:

– Белье поменять не судьба?

– Еще чего! – фыркнул архитектор. – Завтра придет горничная, все сделает, – помолчав, с ехидством произнес: – Костлявые полудолхлые боярыни сегодня у меня никаких эротических фантазий не вызывают.

– Вот и славно, – прошептала, неожиданно проваливаясь в глубокий сон.

Пронзительно синее небо. Неспешно ступая в сиренево-розовом тумане, я в белоснежной рубахе шла… куда-то. Мне давно не было так хорошо, покойно. Ни мыслей, ни тревог, ни боли. Умиротворение. Неземное блаженство.

Туман медленно расступился. Проявились очертания одинокого высохшего дерева, на котором, вцепившись острыми когтями в причудливо изогнутую ветку, сидел гигантский орел. Он не вызывал волнений, и я пошла к дереву. Под босые ступни ложилась мягкая изумрудная травка.

Внезапно распахнув огромные крылья, орел взлетел. Все мгновенно пропало. Я видела лишь его голову: массивный клюв и золотые глаза без зрачков. Птица смотрела изучающе.

«Чужая душа. Слабая глава рода», – отчетливо прозвучал голос в моей голове.

– Выбралась же, – безмятежно сообщила своему персональному глюку.

«Без меня умерла бы, – сердито отозвался орел. – Столько сил на тебя угрохал!» – в который раз за эти два месяца посетовал он.

– Так и с тобой едва в печи не оказалась, – хмыкнула я. – Дурацкая была затея – самой себе сердце останавливать, – помолчав, миролюбиво добавила: – Ты же не реальный. Тебя не существует. Может, хватит ворчать?

«Вот упертая! – золотые глаза ярко блеснули. – Ты ничего не знаешь об этом мире, чужая душа. Ты ничего не знаешь о силе главы боярского рода. Надоела, – неожиданно сообщил глюк. – Как будешь готова, приду».

Внезапно голова орла пропала. Пространство вновь заиграло приятными глазу красками. Я оказалась лежащей в мягких сиреневых облаках. С удовольствием посмотрела в пронзительно-синее небо. Вокруг среди звездочек эфира парили белоснежные зонтики одуванчиков.

Одиночные искорки сливались в плотные золотистые струи. Кружась в неспешном вальсе, они омывали измученное тело снаружи, проникали вовнутрь, лечили.

Физически я сейчас выздоравливала. Ну а с раненой душой и изрядно потрепанной психикой как-нибудь потом разберусь.

Глава 8

День выдался на редкость погожим. Две темноволосые девочки, сидя на подоконнике в общей комнате, наблюдали за отъездом Кати и Василия. Едва белоснежный внедорожник скрылся из виду, Александра посмотрела на задумчивую сестру.

– Лиз, что делать будем?

– Прекращаем плакать! – решительно сказала та. – Сони больше нет, – Елизавета быстро отвела влажно заблестевшие глаза и удивительно по-взрослому добавила: – Слезы горю не помогут. Предлагаю делать то же, что и раньше, – аккуратно спустившись на пол, она строго глянула на близняшку.

Кивнув, Саша ловко спрыгнула с подоконника. Подойдя ближе, угрюмо поинтересовалась:

– И в школу ходить?

– Угу, – тяжко вздохнула Лиза. – Завтра пойдем. Сегодня у нас по графику занятия с Никитой.

Не сговариваясь, дети торопливо пересекли комнату. Спустившись на первый этаж, замерли на пару мгновений в холле. Из кухни слышался неразборчивый разговор. Быстро, но тихо девочки направились на звуки.

– Что ж с юными боярынями-то решили, не знаешь? – неожиданно отчетливо раздался голос Надежды.

Остановившись у полуприкрытой двери, сестры тревожно переглянулись. Не спеша заходить, замерли недвижимо.

– Отец с Катей поехали узнавать про опеку, – грустно прозвучал знакомый мужской голос.

– Никита, – едва слышно шепнула Саша. Быстро прижав палец к губам, Лиза призвала ее к молчанию.

– А вдовец-то тоже, поди, станет претендовать? – меж тем встревоженно поинтересовалась женщина.

– А то! Вчера вечером уже являлся. Требовал встречи с девочками, Катю пытался из дома выгнать. Редкостный мерзавец.

– Ох! – испуганно воскликнула экономка. Спустя пару мгновений тишины, спросила: – А Катя-то имеет право взять опеку над боярынями?

Навострив ушки, близняшки прислушались, боясь шелохнуться и пропустить хоть одно словечко из разговора взрослых.

– Она вассал рода и давала клятву Соне. По закону имеет, – очень печально ответил парень.

– Ведь хорошо же. Что грустишь-то, Никитка?

– Нам придется на семь лет отложить свадьбу. Будем ждать, когда боярыни достигнут совершеннолетия, – последовал тяжелый вздох. – Если Катенька выйдет за меня замуж, то утратит право на опеку, – не стал утаивать правду Фролов-младший.

– Что тут поделать, – спустя пару мгновений с сожалением произнесла женщина. – Не этому же малышек отдавать. Уверена, нашу Сонечку он уморил!

– Все может быть, – прозвучал на грани слышимости ответ юноши.

Голоса затихли. Тишину разбавляло лишь шипение масла на сковороде. Холл медленно наполнялся ароматом жареного мяса.

Нахмурившись, сестры пристально посмотрели друг на друга. Указав кивком в обратном направлении, Саша на цыпочках отошла от двери. За ней неслышной тенью последовала Лиза.

Дойдя до лестницы, девочки синхронно развернулись. Выждав немного, уже не таясь, направились обратно к кухне.

– Проголодались? – заметив вошедших близняшек, с материнской теплотой поинтересовалась Надежда. – Обед уже скоро.

Сильно сдавшая за эти дни женщина сумела взять себя в руки. Теперь она была готова, как и прежде, окружать заботой юных боярынь.

– Нет, – качнула головой Лиза. – Спасибо, еще не голодны, – повернувшись к сидящему около стола Никите, сурово сдвинула черные брови. Вздохнув, пояснила: – Мы решили снова тренироваться. Завтра пойдем в школу.

Быстро обменявшись удивленным взглядом с Надеждой, юноша неспешно встал.

– Раз решили, – он осмотрел одежду подопечных, – идите переодеваться. Наденьте куртки. Сегодня тренировка на улице.

Едва заметные улыбки мгновенно расцвели на прежде сосредоточенных лицах малышек. Они давно просили о занятиях на свежем воздухе. Однако наставник не соглашался, объясняя, что в специально оборудованном зале гораздо безопаснее. А сегодня внезапно расщедрился.

Одобрительно кивнув невозмутимому Никите, экономка понимающе улыбнулась.

Меж тем девочки поторопились выйти из кухни. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, Саша то и дело поглядывала на сестру. Хмурясь, та о чем-то напряженно размышляла. А затем, не произнося ни слова, направилась прямиком к своей комнате.

– Лиз! – окликнула Александра.

– А? – остановившись, девочка подождала торопливо приближающуюся Сашу.

– Ты знала, что Никита с Катей собираются пожениться?

– Разве не видела, как они друг на друга смотрят? Это ж очевидно!

– Я считала, просто дружат, – Саша нервно намотала на палец конец длинной косички. – Лиз, мы ведь теперь им мешаем, – прошептала и тяжко вздохнула.

– Что-нибудь придумаем, – поспешила успокоить сестру Елизавета. – Пока в голову ничего путного не приходит, – призналась бесхитростно и добавила: – В школу пойдем – с Тихоном посоветуемся.

– Тихон у нас умный, – согласно кивнула Саша. – А мужа нашей Сони опекуном не хочу, – добавила твердо.

– И я не хочу, – вторя ей, отозвалась Елизавета.

Разойдясь по комнатам, сестры торопливо переоделись в спортивную форму и уже буквально через несколько минут в застегнутых наглухо одинаковых оранжевых куртках стояли на террасе. Щурясь от яркого солнышка, они внимательно смотрели на наставника. Тот о чем-то очень тихо беседовал с Ярославом.

Закончив диалог, юноша повернулся к сосредоточенным близняшкам.

– Тренировка будет проходить в саду, – сообщил он. – Прошу за мной.

Парень неторопливо пошел по выложенной плиткой дорожке. Не мешкая, девочки последовали за ним. За то время, пока юные боярыни переодевались, Никита с Ярославом выбрали наиболее безопасное место для тренировки. Площадка, где раньше стояла удачно сожженная беседка, подходила великолепно.

Софья Сергеевна хотела там построить новую. Рабочие даже демонтировали потрескавшийся фундамент и залили ровным кругом свежий. Однако госпожа все не могла определиться с эскизом. В итоге среди зеленого газона уже довольно давно серело внушительное пятно бетона.

Расставив сестер подальше друг от друга на импровизированной тренировочной площадке, Никита выдал задание. И снова наставник решил порадовать юных боярынь. Каждой из них предстояло делать одинаковые упражнения, но Лизе с любимой ею водой, а Александре – с огнем.

Не отводя пристального взора от усердных учениц, юноша прохаживался вдоль площадки. Над ладошками сосредоточенной Лизы висел довольно внушительных размеров водный шар, а над Сашиными – ни много ни мало потрескивала шаровая молния. По команде Никиты девочки управляли боевыми техниками: видоизменяли свои «шары». Вода и огонь то принимали форму квадрата, то треугольника, то становились плоскими, словно блины, то вытягивались и истончались до тонкой нити.

Видя, как от усердия малышки одновременно высунули кончики языков, парень по-доброму усмехнулся. Он искренне гордился ученицами. Несмотря на юный возраст, боярыни на неплохом уровне контролировали потоки и плотность эфира. Жаль, Софья этого уже не увидит.

Едва слышный звук шагов привлек внимание юноши. Полуобернувшись, он заметил приближающегося Потемкина. В руке мужчина нес свернутые в трубочку листы бумаги. Следом за нежеланным гостем шел Ярослав.

Прекрасно понимая, что ничего хорошего от такого визита ждать не приходится, Никита перевел взор на девочек. В данный момент те, выполняя очередное задание, усердно придавали воде и огню форму цилиндров.

– Закончили. Теперь формируете из потоков ленты. Ширина не более пяти сантиметров, длина – метр. Внимательно следите за плотностью, – скомандовал парень. Словно не замечая Егора Николаевича, неторопливо прошел к дальнему концу фундамента и остановился, все так же не отводя глаз от учениц.

Едва прозвучало новое задание, Ярослав не сдержал злорадной ухмылки. Замедлив шаг, воин рода Изотовых сошел с тропинки, а потом и вовсе отошел на пару метров в сторону, замерев на месте.

Меж тем юные боярыни быстро глянули на уверенно шагающего к ним незнакомца. Кто этот мужчина, они не знали. По правде сказать, им было и не особо интересно: тренировка крайне увлекла.

Прежде наставник такого задания не давал. Сейчас требовалось тщательно следить за собственными эмоциями. Управлять эфиром и умудряться одновременно соблюдать заданную длину и ширину очень сложно. Нужно быть максимально спокойным и сосредоточенным.

Над ладошками Александры начала причудливо изгибаться плотная лента огня. Елизавета не отставала от сестры: буквально через миг над ее протянутой рукой шевелилась, словно живая, плоская струя воды.

Остановившись прямо напротив близняшек, Потемкин несколько мгновений наблюдал за выполнением упражнения. Сам он не владел ни одной боевой техникой, потому аккуратные, медленные движения девочек показались ему слишком неумелыми. Презрительно хмыкнув, мужчина произнес:

– Меня зовут Егор Николаевич Потемкин. Я – супруг вашей сестры, боярыни Софьи Сергеевны Изотовой, – выдержав многозначительную паузу, с легким презрением сообщил: – Софья вас почему-то любила. Так и быть, в память о жене возьму над вами, недотепами, опеку, – добавил, словно делая великое одолжение.

Поджав губы, юные боярыни продолжали выполнять упражнение. Не отводя взгляда от сосредоточенных лиц девочек, Ярослав предусмотрительно сделал еще один маленький шажок в сторону. Воин рода прекрасно понял затею Никиты и чем все может закончиться.

Видя, что близняшки не реагируют на оказанную им «милость», Потемкин несколько раздраженно произнес:

– Сейчас вы должны подписать документы, – мужчина помахал свернутыми в трубочку листами. Не отвлекаясь, девочки уделяли внимание только упражнению. Поиграв желваками, Потемкин громко сказал: – Хватит ерундой заниматься! У меня мало времени!

– Ой! – внезапно прозвучал звонкий голосок Александры.

В это же мгновение, жутко затрещав, огненная лента сорвалась с ее рук. Прочертив воздух стрелой, ударила в землю около правой ноги Потемкина. Пламя тотчас жадно вгрызлось в штанину.

Тоненько взвизгнув, «благодетель» резко взмахнул руками, отбросил документы и запрыгал на одной ноге. Тряся объятой пламенем конечностью, вдовец попытался сбить огонь с ткани. Безуспешно.

Быстро посмотрев на злое лицо сестрицы, Елизавета перевела взор на скачущего козлом мужчину. Мстительно прищурившись, плавно повела рукой. Тугая струя воды, послушно выполняя волю создательницы, стремительно полетела в ногу Потемкина. А достигнув полыхающей ткани, мгновенно превратилась в плотный ледяной панцирь.

Держа ногу на весу, Потемкин с ужасом взирал на закованную в толстый слой льда конечность.

– Для первого раза упражнение выполнили хорошо, – невозмутимо произнес Никита, кивнул ученицам и подошел к шокированному Потемкину. – Ярослав, – оглянулся на прячущего улыбку воина, – тут нужен молоток. Вряд ли Егор Николаевич согласиться на применение еще одной боевой техники огня, – добавил с искренним сожалением.

– Вы!.. Да вы!.. – не находя слов, источающий злобу вдовец с ненавистью посмотрел на Никиту.

– Егор Николаевич, вы же дворянин. Должны знать о правилах безопасности, – Фролов-младший неодобрительно покачал головой и нравоучительным тоном добавил: – Находиться в непосредственной близости от учеников, занимающихся боевыми техниками, категорически запрещено. Что же вы так? – он сокрушенно вздохнул.

Испепелив парня взором, полным ненависти, Потемкин резко развернулся на одной ноге. Стараясь меньше наступать на обожженную, а после закованную в лед конечность, поковылял по тропинке. С усмешкой понаблюдав за его неровной походкой, Никита быстро глянул на Ярослава. Тот подмигнул и последовал за визитером.

Юноша тем временем абсолютно невозмутимо произнес:

– Впредь при выполнении упражнений старайтесь постоянно контролировать эмоции. Если утратить контроль, можно принести вред окружающим. Сейчас вы это видели.

– Никита, а ты нас накажешь? – встревоженно поинтересовалась Александра.

– В данном случае, Егор Николаевич нарушил технику безопасности. Поэтому нет, – видя, как мгновенно просветлели лица девочек, строго добавил: – Уверен, вы в дальнейшем будете себя контролировать тщательнее. И даже если кто-то нарушит технику безопасности, приложите все усилия, чтобы наблюдатель не пострадал. Мы друг друга поняли?

– Да, наставник! – хором выпалили юные боярыни.

– Вот и славно, – с доброй улыбкой отозвался Никита. – Тренировка окончена.

Поочередно ссадив близняшек с бетонного фундамента на землю, он неторопливо направился в сторону дома. Немного отстав от самого любимого наставника, девочки пошли следом. Юные боярыни о чем-то таинственно шептались. Однако парень не прислушивался. Не по правилам это.

Глава 9

Глубокая тоска по любимой женщине и боль утраты не отпускали. Игорь знал, что только время поможет. Но как же вытерпеть эту нестерпимую муку?

Бродя тенью по шикарной спальне, мужчина даже не пытался ложиться. За окном серело. Князь печально улыбнулся: еще одна бессонная ночь прошла.

В стотысячный раз он задавал себе один и тот же вопрос: отчего повел себя, словно обиженный мальчишка? Стоило хотя бы просто поинтересоваться ее жизнью! Если нужно, предоставить ей любые клиники мира, самых лучших врачей! Пусть осталась бы с этим… своим мужем, но была бы жива!

«Чем он лучше? Соня же тянулась ко мне. Почему не я?» – эти мысли опять и опять приходили на ум. Чересчур болезненный удар нанесла боярыня по мужскому самолюбию.

Почему она сделала именно такой выбор, теперь не узнать. Слишком поздно для бесед. Для всего поздно: гордая глава рода бояр Изотовых ушла к предкам.

Все чаще и чаще тяжкие думы горюющего мужчины возвращались к причине смерти любимой. Игорь помнил о поразительной регенерации Софьи. Какой страшный недуг мог оборвать ее жизнь? Почему остановилось сердечко? Что-то тут не то. Сонечку не вернуть, но он обязан разобраться.

Быстро надев удобную толстовку, Игорь вышел из спальни. Спустившись по мраморным ступеням, уверенно направился к выходу из особняка. Конечно, прикажи князь любому из слуг прийти к нему, никто не посмел бы ослушаться. Однако он сам пошел к Савелию: тело и разум просили прямо сейчас хоть каких-то действий.

Выйдя во двор, решительно направился к одному из домов для прислуги. Савелий предпочитал жить, по меркам князя, очень скромно. Высокоранговый слуга мог себе позволить многое, однако упорно избегал роскоши, довольствуясь малым.

Взбежав по ступеням из дикого камня, Игорь уже хотел поднять руку, чтобы постучать, но остановился. Усмехнувшись, решительно толкнул массивную деревянную дверь и вошел внутрь.

Помещение встретило приятным ароматом дерева и чистоты. Бесшумно ступая по выложенному серо-крапчатой плиткой полу, князь приблизился к приоткрытой двери в спальню. Тихонько вошел, но не успел сделать и пары шагов, как мирно спящий в кровати мужчина стремительно сел.

– Господин, что случилось? – немного хриплым после сна голосом поинтересовался Савелий.

– Мне нужна информация от врачей, констатировавших смерть боярыни Изотовой. А также абсолютно все по ее мужу, – твердо сообщил князь.

– Кое-что могу уже сейчас доложить, – не удивившись, спокойно отозвался Савелий. Мгновенно надев спортивные штаны, подошел к господину. – Врача я лично опросил, – начал рассказывать. – Тот признался, что по просьбе вдовца фактически не осматривал тело боярыни. Довольствовался внешними признакам. Однако клянется, что сердечный приступ и стал причиной смерти. Тело уже кремировали, провести экспертизу не выйдет.

Скрипнув зубами, Разумовский неотрывно смотрел на Савелия. Прекрасно понимая значение этого взгляда, слуга глубоко вздохнул. В дворянских кругах после смерти кого-то из рода редко проводят экспертизу. Тут вроде бы жутких нарушений нет. Да вот только супругу боярыни, определенно, не поздоровится.

– Что по мужу? – вторя мыслям слуги, поинтересовался Игорь.

– В Ростове проживает в арендованном доме. Деловые связи ни с кем не поддерживает, – тотчас сообщил Савелий. – Два с половиной месяца назад прилетел из Москвы, но постоянно там не живет. Откуда и когда прибыл в столицу, сведений не имеется, – заметив угрожающий прищур, быстро продолжил: – Дворянин Потемкин Егор Николаевич, пятидесяти трех лет от роду, урожденный житель Камчатки. Сорок лет назад в результате цунами его родной город Северо-Курильск был полностью уничтожен. Из членов рода Потемкиных уцелел лишь тринадцатилетний Егор. Имущества либо денег у рода не осталось. Когда, куда он перебрался жить, а также источник доходов в настоящее время – пока не установили. Ни в чем предосудительном в юном возрасте не замечен, в имперских сводках по преступникам на сегодняшний день не числится. Сотрудники продолжают работать. Данные скоро будут.

– Не спускать с Потемкина глаз, – отрывисто бросил князь. – Подключай любого, кого посчитаешь нужным. Я должен знать о нем все.

– Слушаюсь, господин, – невозмутимо сообщил Савелий.

***

Несколькими часами ранее

Проснувшись, я долго лежала с закрытыми глазами. Прислушавшись к своему телу, поняла – боли нет. Какое восхитительное ощущение, когда ничего не болит!

Медленно подняла веки. Царящий в помещении полумрак не вызвал привычной рези в глазах. Неужто удалось так быстро избавиться от гадости в крови? Вонючий напиток архитектора помог или регенерация включилась на полную? Впрочем, без разницы. Главное – больше нет боли.

И как я умудрилась в такой кошмар вляпаться? До сих пор для меня это тайна за семью печатями.

Испытывая вполне понятную слабость, с предосторожностями села. Одеяльце съехало с груди и открыло моему взору мужскую пижаму. Архитектор постарался? Когда успел? Ничего не помню.

Удивленно хмыкнув, неторопливо осмотрелась. Диван стоял подле панорамного окна в поистине гигантской современной кухне-столовой. Убедившись в отсутствии архитектора, перевела взгляд в окно. Опять сумерки. Сколько же я проспала?

«Краснопольский живет в высотке? – подумала, рассматривая силуэт многоэтажного дома с черными провалами окон. А потом мысли заметались встревоженными птичками: – Как там близняшки? Плачут ведь, маленькие. Что делает Катя? А с бизнесом как? Не снял ли с рудника свою охрану разобиженный князь Южный? – и в бессчетный раз: – Почему никто не пришел на помощь?!»

В отношении старшего Разумовского я не испытывала иллюзий. Возможно, он и правда ко мне что-то чувствовал. Да вот только… Зачем красивому, облеченному огромной властью мужчине чужая жена? Свободных красавиц – вагон с маленькой тележкой. Погрустил да и утешился с очередной. В ту самую настоящую любовь, о которой мечтает каждая девочка, я больше не верила.

А вот Катю с Василием считала семьей. На них надеялась. Неужто ошибалась?

Почему, ну почему единственная подруга не забила тревогу? Разве я по своей воле оставила бы так надолго семью? Ну да, мы с ней не особо откровенничали, но поступки-то говорят гораздо больше слов. Всегда же старалась быть рядом, поддерживала. Отчего такое безразличие?

Душу болезненно царапали острые коготки разочарования. По щекам впервые за последние месяцы покатились слезы. Я попала в беду, но никто, никто не помог.

Ладно, юная девочка растерялась. Но Василий-то! Вот как такой опытный воин мог с ходу поверить в тот бред, что насочинял в сообщении Потемкин?! «Муж» мне зачитывал текст.

Я в жизни бы не поверила! Неужто этот мир настолько отличается?! Обида на людей, которых считала близкими, камнем легла на сердце.

Да, я совершила фееричную глупость, выйдя замуж за первого встречного. Но старалась все исправить. Два немыслимо тяжелых месяца думала о роде и стояла на своем: отказывалась подписывать треклятые документы на продажу месторождения, не передавала права главы рода, тянула время. Искренне верила – воины ищут. Надеялась, что вот-вот дверь распахнется, и меня вырвут из лап садиста. Но никто так и не пришел.

В той душной каморке без окон время словно остановилось. Ненависть, боль, а после и ощущение полного бессилия стали моими верными спутниками. В кромешной темноте, корчась от боли на старом матрасе, упрямо стискивала зубы и мысленно твердила: «Я должна вытерпеть».

Теперь думаю: ради чего и кого? Может, это расплата за мою ошибку? Бог его знает, почему я вышла замуж за Потемкина, но за глупость заплатила с лихвой.

«Любящий супруг» круглосуточно накачивал меня наркотиками, воспитывал хлесткими ударами плетью. А еще – вел задушевные беседы. Абсолютно не таясь, практически сразу сообщил, зачем женился: его интересовало только имущество Изотовых, а также власть главы боярского рода. Женщин супруг презирал.

И, надо признать, довольно красноречиво объяснял свою позицию. По его исключительно правильному мнению, слабый пол – низшие существа, созданные лишь для удовлетворения мужских потребностей. Мы, женщины, не имеем права мыслить иначе, поступать так, как хочется, обязаны следовать воле высшего творения – мужчины.

Потемкин… Воспоминания об этой мрази вызвали привычный гнев. В первый же день он нацепил на мои запястья мощные артефакты. Эфир стал полностью недоступен. Естественно, снять блокираторы силы я периодически пыталась, только без толку.

Что может сделать едва живая женщина с физически сильным мужчиной? Увы, немногое. Один-единственный раз удалось ногтями оцарапать ненавистно лицо да укусить до крови за руку.

После этого «дражайший супруг» стал намного осторожнее: предусмотрительно включал яркий свет, а после подходил с плеткой. Безуспешно пытаясь избежать хлестких ударов, я отползала, инстинктивно закрывалась руками от режущего глаза света и своего мучителя.

Затем следовал быстрый укол. Часть тела для введения отравы муженек не выбирал. Главное, чтобы наркотик попал в тело. Ну а после Егор вальяжно садился на стул и очень внимательно наблюдал.

Смертельно опасное вещество действовало на меня своеобразно. Не только разум, но и весь организм сопротивлялся. Это было мучительно больно. Практически так же, как при ломке. Хотя нет, при отмене наркотика все же гораздо хуже.

Эти два месяца мерзавец буквально упивался моими страданиями. Порой казалось, Потемкину не так уж и нужна моя подпись на документах. Ему просто нравилось смотреть на мучения.

Я окончательно не сошла с ума чудом, не иначе. Но проваливаясь от мучительной боли в спасительное полузабытье, нередко видела красочные галлюцинации. Среди прочего бреда часто мерещился один и тот же гигантский орел.

Сетуя на артефакты-блокираторы, которые высасывают из него силу, орел ворчал, но одновременно и поддерживал: говорил, что я не одна и обязательно справлюсь. Он, дух рода бояр Изотовых, поможет в меру сил, а я должна непременно продолжать в себя верить.

Ни о каких «духах рода» в памяти моей предшественницы информации не нашлось. Похоже, столь экстравагантным способом мой разум пытался защититься от насилия.

Тот судьбоносный день ничем не отличался от других. Привычно помучив ярким светом, исхлестав плетью и дав наркотик, Потемкин уселся на полюбившийся стул.

– Подпишешь документы? – в стотысячный раз лениво поинтересовался муж.

Переждав очередной виток боли, выдохнула:

– Нет.

– Раз не хочешь по-хорошему, будет по-плохому, – он деланно огорченно вздохнул. – Ты не оставляешь мне выбора, жена, – подавшись вперед, мерзопакостно улыбнулся. – Видишь ли, я действительно был добр к тебе. Не хотел портить репутацию рода Изотовых, – помолчав, садист пристально вгляделся в мое лицо, затем проникновенным голосом поинтересовался: – Слышала о «Пороке», дражайшая супруга? – заметив промелькнувшую тень испуга в моих глазах, многозначительно усмехнулся: – Приятно иметь дело с образованным человеком.

От очередного приступа боли я неосознанно сжалась в комочек, а сердце обдал холодом липкий страх неизвестности. Что урод еще задумал?

Меж тем, посидев с глубокомысленным видом, Потемкин спокойно сообщил:

– Сегодня я дал тебе последнюю дозу. Если продолжишь упорствовать, не выполнишь мою такую пустячную просьбу, следующая инъекция будет «Пороком». Не надейся, сам я к тебе не прикоснусь, – он брезгливо поморщился, а после буднично начал делиться жуткими планами: – Отвезу тебя днем в центр города. Поищешь себе половых партнеров, – заметив на моем лице гримасу отвращения, невозмутимо добавил: – Выглядишь ты не очень, конечно, но желающие найдутся. Бродяги те же. Они, знаешь ли, не особо разборчивы. А тут голая, жаждущая секса баба сама лезет, – выждав пару мгновений, язвительно усмехнулся и тоном уверенного человека продолжил: – Предварительно побеспокоюсь о том, чтобы за твоими сексуальными развлечениями наблюдали юные Лиза с Сашей и, естественно, журналисты. Куда ж без них! Такое грандиозное событие не должно пройти незамеченным.

– Тебе-то какой с этого прок? – в моем голосе отчетливо слышалась лютая ненависть.

– Милая, ты беспокоишься обо мне? – мужчина обаятельно улыбнулся. – Не о том думаешь. Я решу свои проблемы, будь уверена. А вот твоему роду придет конец. Может, хоть раз вспомнишь о сестренках? Из-за тебя девочки станут изгоями. Уже вижу заголовки новостей: «Глава рода – наркоманка!», «Секс боярыни с бродягами в центре города!».

– Тварь, – сорвался с губ тихий стон. А затем очередная спираль боли выкинула из реальности.

Медленно возвращаясь из пучины страданий, привычно ощутила жадный взгляд маньяка и с трудом расслышала «заботливый» голос:

– Пока с твоими сестрами ничего не случилось. Живут малышки в полном неведении о своем крайне печальном будущем. Хочешь удостовериться, что с ними все в порядке?

Надежда на спасение вспыхнула мгновенно, на короткий миг заслонив боль. О, если бы он дал мне возможность пообщаться хоть с кем-то!

– Пожалуй, разрешу тебе поговорить по телефону со своим Василием. Вдруг это поможет принять правильное решение? – поразительно беззаботно поведал Потемкин. Не веря своему счастью, я превратилась в слух. Выдержав долгую паузу, мучитель с усмешкой добавил: – Сделаешь глупость – сразу же отправишься искать себе партнера по сексу. Гляди-ка, – подняв руку, привлек внимание.

С трудом сфокусировавшись, посмотрела на маленький пластиковый тюбик с иглой. Аккуратно держа его меж пальцев, супруг продемонстрировал перекатывающуюся в нем жидкость. В том, что это «Порок», сомнений не возникло.

В прошлый раз я выпила с ним чай. Прекрасно помню, что испытывала. А если эта дрянь сразу попадет в кровь? Ладошки мгновенно вспотели от страха.

– Здесь три дозы. Обслужить парочку вонючих бродяг успеешь, но после однозначно сдохнешь, – безэмоционально сообщил садист. – Ну и? – демонстративно поднял телефон другой рукой, а потом поднес его к наркотику.

Сволочь!

В твердости намерений «дражайшего супруга» я была абсолютно уверена. Садист, конечно же, сейчас забавлялся, но он не даст мне ни малейшего шанса. Скажу хоть одно лишнее слово, и все. А так, может, что-то узнаю.

– Звони, – выдохнула я.

Ухмыльнувшись, Потемкин встал, медленно подошел, постоял, словно в раздумьях, а после резко сел рядом на тонкий матрас. Желание ударить его сильно-сильно и бежать было почти нестерпимо. Но лишь крепче сжала кулаки. Бесполезно, даже до двери не доковыляю – поймает. Пробовала.

Когда рука садиста легла на плечо, я вздрогнула. Не от иглы, легонько прикоснувшейся к артерии на шее. И не от страха. От отвращения. Сейчас просто предупреждение: не делай глупостей, сдохнешь. Позор ляжет на твое имя и род.

Егор набрал номер и, смотря мне в глаза, приложил телефон к уху. Я крепче стиснула кулачки. Ненавижу тварь!

Услышав прозвучавший из динамика спокойный голос Василия, с трудом сдержала порыв закричать: «Спаси!» Но что я могу сказать с иглой у шеи? Продумывая каждое слово, попыталась донести до слуги, что не все у меня в порядке. Да вот только услышал ли, поняли ли?

Прервав такой короткий разговор, Потемкин убил мою последнюю надежду на помощь всего одной фразой:

– Вот можешь же быть умницей, – убрав иглу от шеи, мило улыбнулся. Встав, неспешно подошел к двери и сухо обронил: – У тебя четыре дня на раздумья.

Щелчок выключателя, звук закрывающегося замка.

Благословенная темнота принесла немного облегчения моим воспаленным глазам. Я поджала колени к груди, легла на тощий матрасик. А вдруг случится чудо, и меня все же спасут?

Никто не пришел.

Адские муки от отмены наркотика все реже прерывались галлюцинациями. Однажды, то ли в бреду, то ли наяву, увидела знакомые очертания орла. Тот уже не топорщил храбро перья. «Гордый птиц» смотрел с тревогой. Впившись в меня золотыми глазами, он заявил: я должна остановить себе сердце, иного выхода нет.

– Не хочу. Я не самоубийца. Это самая большая глупость. Лишь пока жива, есть шанс что-то изменить, – криво улыбаясь, втолковывала неразумному.

– Я не говорю о настоящей смерти! – рассердился тот. – К тебе все сложнее пробиваться. Подумай, как на время стать мертвой! – сообщил и истаял.

Последняя фраза моего персонального глюка накрепко отпечаталась в памяти. В промежутках между лавинами боли воспаленный разум принялся напряженно искать решение. Иного выхода действительно не было.

А я ведь знаю, как умереть на время!

Артефакты глушили силу, не позволяли выбрасывать ее наружу, регенерация практически на нуле. Можно попробовать использовать технику расслабления. Направить эфир из каналов прямиком к сердцу. Медведи ведь впадают в спячку. Фактически это не смерть – сон.

Не откладывая дело в долгий ящик, попыталась расслабить сердце. Получалось из рук вон плохо. Но, судя по всему, раз я жива, мои титанические усилия увенчались успехом.

Услышав громкое урчание в пустом животе, грустно усмехнулась. Когда я ела-то? Потемкин последние дни меня не кормил.

За окном наступал рассвет.

Медленно встав с дивана, направилась в обеденную зону. Увы, слабость никто не отменял. Дойдя до стола, тяжело упала на стул и откинулась на спинку. Пока переводила дух, внимательно осмотрела столешницу. Кроме большой кружки-термоса, ничего не наблюдалось. Про-

тянув руку, подтянула к себе емкость. С трудом отвинтила крышку и мгновенно почувствовала пряный запах наваристого бульона.

Еда!

Вцепившись в кружку, сделала пару маленьких глотков. Боже, как же хорошо-то! Старательно заставляла себя не выпить все залпом, продолжила утолять голод.

– О, проснулась наконец-то, – внезапно послышался ворчливый голос Краснопольского. – И еду свою нашла, – добавил мужчина с усмешкой.

Деловито пройдя мимо меня в одних семейных трусах, Назар открыл холодильник. Я машинально зажмурилась, ожидая боли от даже такого неяркого освещения, но она не появилась. Посидев пару мгновений, осторожно приоткрыла веки.

Взяв жестяную баночку, архитектор ногой захлопнул дверцу. Затем, подойдя к столу, уселся напротив и требовательно произнес:

– Рассказывай.

– Мне нужен твой телефон, – тихо, но твердо заявила в ответ.

Глава 10

Усмехнувшись, Краснопольский сделал большой глоток из баночки, затем с тихим стуком поставил ее на стол. Неторопливо откинувшись на спинку стула, скользнул по моему лицу изучающим взглядом. Не выказывая тревоги, я не спешила нарушать тишину. В том, что сейчас состоится важный разговор, сомнений не было.

– Ты наркоманка, боярыня, – ледяным тоном внезапно произнес человек императора. – Один мой звонок, и тебя либо заберет муж, либо растерзают репортеры. А может, и все вместе, – выдержав многозначительную паузу, неожиданно мягко продолжил: – Только мне этого не нужно. Наоборот, хочу помочь попавшей в беду девочке, – заметив явный скепсис в моем взоре, Назар сокрушенно вздохнул. – Вот что с людьми недоверие-то делает! – нарочито огорченно покачал головой. – Ты ведь мучилась, но не просила дозу, притом люто боялась встретиться с мужем. Я же не дурак, Софья, – он добродушно хмыкнул. – Наверняка на иглу тебя посадил супруг. Моя настойка не помогла бы человеку, не желающему справиться с зависимостью. Все же очевидно: ты попала в беду, – немного подавшись вперед, тихонько добавил: – Расскажи мне. Мы обязательно найдем выход. Понимаю, тогда, на дороге я тебя испугал. Напился как сволочь и сел за руль. До сих пор чувствую вину. Вот видишь, совсем ничего не утаиваю, а ты не доверяешь, – грустно улыбнувшись, посмотрел на меня кристально честным взглядом.

Врет, гаденыш. Зачем же я ему нужна-то?

Задумчиво повертела в руках кружку, а потом резко подняла голову и посмотрела мужчине в глаза.

– Да ладно тебе, архитектор, – мой голос звучал абсолютно спокойно. Заметив, как Краснопольский нахмурился, пояснила: – Когда один человек помогает другому, он делает это, в первую очередь, для себя. И не пой про чувство вины и прочее, – демонстративно поморщилась, а затем поинтересовалась: – Ты сам-то давно слез с наркотиков?

– Откуда такие выводы? – спросил Назар удивленно. Однако в его взоре отчетливо промелькнул испуг.

– Так и я не дура, – усмехнулась, не отводя взгляда. – Ты отлично знаешь симптоматику ломки, свободно пользуешься сленгом наркоманов, умеешь готовить крайне специфичный напиток. Еще и ингредиенты для него дома держишь, – заметив, что мужчина собрался возразить, остановила его небрежным жестом. – Вот только не надо говорить, что императорский архитектор обязан знать такие вещи или что у тебя кто-то из близких употреблял, – прищурившись, холодно уточнила: – Прежде чем вести конструктивный диалог, объясни свои мотивы.

– Сколько тебе лет, девочка? – изумленно пробормотал собеседник. – Точно восемнадцать?

Тихонько хмыкнув, невозмутимо промолвила:

– В данном случае возраст не играет роли. Я – глава древнего боярского рода, – скупо улыбнулась. – Нам будет проще договориться, если расскажешь, чего ты реально хочешь.

– Хм-м… – Краснопольский повернулся к окну.

Наблюдая вместе с ним, как еще робкие солнечные лучи отбрасывают блики на стекла соседней многоэтажки, я молча ждала.

Спустя время, все также не глядя на меня, Назар неожиданно сказал:

– После того случая я наводил справки, – повернувшись, невозмутимо продолжил: – Я помогу тебе сохранить репутацию и выбраться из гнусной истории, а ты поможешь мне.

– И чем же я могу помочь? – поинтересовалась невозмутимо.

– О-о-о, многим, – мечтательно протянул мужчина, а потом внезапно посерьезнел. – Во дворце ползет шепоток, что следующим императором станет светлейший князь Игорь Владимирович Разумовский. Правда или нет, время покажет, – задумчиво глянув на жестянку, неспешно ее отодвинул. Поставил локти на стол, переплел у подбородка длинные пальцы. – Как уже сказал, я наводил о тебе справки, – он выразительно пошевелил бровями. – Ты девочка красивая и, правда, очень умная. Я же предпочитаю не упускать возможностей, – усмехнулся. – У тебя есть все шансы стать любимой фавориткой князя. А в постели женщины способны убеждать и самых несговорчивых мужчин. Даже если Игорь Владимирович не сядет на трон, перспективы открываются шикарные, – счастливо вздохнув, вновь широко улыбнулся. – Видишь ли, человек я амбициозный. Но, сама понимаешь, без препятствий на пути к цели никак, – огорченно поцокал языком. – Я стал личным архитектором его императорского величества, но этого крайне мало, – взгляд мужчины заледенел. – Моя цель – ресурсы и власть. От тебя-то всего и потребуется оказывать мне содействие.

Обалдеть! Из лап садиста прямиком попала в руки шантажиста!

– Меня сейчас юридически не существует, – напомнила, печально покачав головой. – Сначала надо этот вопрос решить. А ты позвонить не даешь, – посетовала и неожиданно поинтересовалась: – У тебя кофе есть?

– Конечно есть. Даже больше скажу: я его отменно варю! – Краснопольский подмигнул. Встав из-за стола, выразительно обронил: – Рад, что мы друг друга поняли. Пойду переоденусь, – добавил, мельком глянув на свои семейники.

Насвистывая незатейливый мотивчик, Назар неторопливо вышел из помещения. А я, медленно поднявшись со стула, постояла пару минут – слабость, конечно, еще присутствовала, но головокружения, слава богу, не было – и, не делая резких движений, подошла к окну.

Остановившись у гигантского затемненного стекла, посмотрела на теперь уже четкий силуэт соседней высотки. Похоже, квартира архитектора находилась чуть ли не под самой крышей.

Что ж мне так не везет-то? Хотя, с другой стороны, есть и плюсы. Этому я нужна живой и здоровой.

Не отводя взора от окна, принялась закатывать длинные рукава пижамы. Такое нехитрое дело помогало размышлять. Идти на поводу у шантажиста, естественно, не собиралась.

Решение пришло внезапно и оказалось таким простым! Однако для воплощения замысла нужно хоть немного времени: слабость давала о себе знать. А вдруг в самый неподходящий момент потеряю сознание? Да и надо еще кое-что прояснить. Оставлять даже малый шанс вымогателю нельзя ни в коем случае.

Прекрасно помня, как лихо архитектор вначале вел поединок с Михаилом, иллюзий я не питала. Потому и не собиралась применять к нему ни одну из боевых техник из своего скудного арсенала. Открыто конфликтовать – самоубийство. Человек императора даже пьяный крайне опасен. И если бы в тот злополучный день Краснопольский был трезвым, то и для младшего Разумовского все могло сложиться иначе.

Анализируя ситуацию, заметила вернувшегося Назара. Легкий спортивный костюм довольно отчетливо обрисовывал его жилистое тело. В руке архитектор держал мобильный.

Если у него нет фото или видео, крайне удивлюсь.

Демонстрируя полное отсутствие сил, сделала пару неуверенных шагов от окна. С трудом опустилась на диван, подтянула к себе подушку. Обняв ее, вопросительно посмотрела на направляющегося ко мне мужчину.

Плюхнувшись рядом, он с досадой покачал головой.

– Что ж ты слабенькая-то такая, – пробормотал сокрушенно. – Сейчас сварю кофе. А пока полюбуйся картинками, – разблокировав телефон, сунул мне его в руку и быстро встал.

Я медленно пролистала фотографии. М-да, шантажисты в любых мирах действуют по схожим схемам. Вполне ожидаемо архитектор наснимал меня во время ломки. Фотографии получились качественные и весьма красноречивые.

Не моргнув и глазом, спокойно положила телефон на колени.

– А видео нет? – поинтересовалась с показным сожалением.

– Обижаешь, – отозвался стоящий около плиты Назар, не прекращая молоть ручной мельницей кофе. – И видео есть, и фоток еще куча. Все в рабочем компе, – усмехнувшись, добавил: – Империя бережет мои секреты. Излишне же дальше объяснять?

– Разумеется, – отозвалась, устраиваясь поудобнее.

– Приятно иметь дело с юным, но таким мудрым человеком, – с искренним восхищением сообщил он. – Сонечка, ты не нервничай. Это просто страховка. Поверь, у нас с тобой большое будущее! – провозгласил пафосно и вновь отвернулся к плите.

Одарив спину архитектора ледяным взглядом, натянула на себя мягкое одеялко. Не потому что замерзла. Под ним отчего-то было спокойнее. В моем плане имелись здоровенные бреши, но всего не предугадаешь. Придется набраться терпения и ждать дальнейшего развития событий.

Вскорости по воздуху поплыл умопомрачительный аромат. Налив кофе в изящную чашечку, Краснопольский подошел ко мне. Присел на корточки перед диваном и протянул напиток.

– Все готово, моя королева, – прошептал тоном заговорщика.

Далеко идущие у тебя планы, господин архитектор. Похоже, ты метишь ни много ни мало прямиком в «серые кардиналы». Да вот только нам, определенно, не по пути.

Осторожно взяв чашку из тончайшего фарфора, пригубила напиток: крепко и сладко. Такой кофе я не любила, но сейчас лучше и не придумать. Одобрительно кивнув, принялась пить маленькими глоточками.

Понаблюдав за мной пару мгновений, Назар переместился на диван. Уселся близко-близко, взял свой телефон. Задумчиво листая контакты, неожиданно сказал:

– По-хорошему, нужно звонить прямо князю. Но, с другой стороны, есть нюансы. Разумовский – мужик очень непростой. Неплохо бы вначале заручиться поддержкой близкого ему человека. Может, позвонить Савелию? Он и устроит вам встречу. Что думаешь?

Что думаешь, что думаешь… Отдай мне весь компромат, вызови Василия и забудь о моем существовании, вот что я думаю!

Сделав очередной глоточек, осуждающе посмотрела на мужчину.

– Учитывай, как я выгляжу. В гроб краше клали, – хмурясь, неодобрительно поджала губы. – Какой князь? Зачем Савелий? Не лучше ли позвонить моему слуге Василию? Он приедет, заберет меня. Оклемаюсь, приведу себя в нормальный вид, а после уже можно и с князем встречаться.

Я не рассчитывала получить согласие, но попробовать стоило. Ну а вдруг?

– У меня нет номера твоего слуги, а вот князя Южного и его «правой руки» – есть, – многозначительно сообщил Назар.

– Увы, и я не помню, – тяжко вздохнула, мысленно коря себя за забывчивость. – Но ты же можешь узнать.

– Могу, но не буду. Не вижу смысла звонить твоему Василию или затягивать вашу встречу с князем, – твердо произнес Краснопольский. – Разумовский быстренько решит все проблемы: и юридически воскресит, и с супругом твоим разберется. Ну а внешний вид, – он цепким взглядом прошелся по мне. – Восставшие из гроба и не выглядят иначе. О твоем бурном прошлом уже и не скажешь. Бледная хрупкая девочка вызовет у Южного желание защитить. Объяснишь – был сердечный приступ, впала в кому, врачи не разобрались, в итоге определили в покойницы. Мужа не любишь, думаешь только о князе. Дальше сориентируешься по ситуации.

Долго с сексом мужика не маринуй. Не в твоих интересах, – помолчав, кивнул своим мыслям и добавил уверенно: – Звоню Воронцову.

Быстро выбрав нужный контакт, нажал на вызов и приложил мобильный к уху. Через несколько мгновений тоном делового человека произнес:

– Доброе утро, Савелий. Краснопольский беспокоит, – выслушав ответ невидимого собеседника, продолжил: – У меня есть важная информация относительно боярыни Софьи Изотовой. Нам необходимо срочно встретиться.

Бережно держа чашечку с кофе, я внимательно наблюдала за лицом архитектора, пока тот слушал ответ слуги князя. Но что говорил Савелий, как ни старалась, разобрать не могла.

– Да хоть под утро. Обещаю, сведения того стоят. Будет гораздо лучше, если вы приедете ко мне домой, – меж тем хладнокровно сказал Назар. – Адрес знаете? – выдержав короткую паузу, обронил: – Тогда до встречи.

Нажав на отбой, Краснопольский внимательно посмотрел на меня. А затем, неожиданно подмигнув, откинулся на спинку дивана. Заложил руки за голову, устремил взор к потолку и, не скрывая удовольствия, тихо сказал:

– Савелий очень заинтересовался. Сейчас он за пределами Ростова, вернется либо поздно вечером, либо глубокой ночью. Обещал сразу же приехать. У нас целый день на подготовку! Надо заказать тебе одежду: эротичное бельишко, строгий костюмчик. Идеальное получится сочетание. И еще немного тебя полечить, заодно и план продумать тщательнее.

Пропустив мимо ушей информацию о составлении планов, акцентировала внимание на времени приезда Савелия и… лечении.

– Снова пить твою гадость?

– Не так уж и плох напиток, – нарочито обиженно буркнул Назар. Затем внезапно рассмеялся. – Вру, мерзость редкостная. Но у меня есть кое-что поинтереснее. Давай, пей кофе, покажу, чем будешь лечиться.

Не торопясь, допила уже совсем остывший напиток. В принципе, Краснопольский прав: откладывать встречу с князем особого смысла нет. Я в любом случае собиралась обращаться к нему за помощью. Игорь Владимирович действительно может с легкостью решить мои проблемы. Вопрос: что предложить взамен? Просить-то я хотела не только о юридическом возвращении к жизни.

По поводу Назара, в данный момент мечтательно улыбающегося, особой тревоги не испытывала. Он, хоть и планирует меня использовать на полную катушку, но зла пока не причинил. Напротив, сильно помог.

Если все пойдет так, как нужно, то архитектор останется жив и даже здоров. Шантажист Краснопольский – это не садист Потемкин.

Вспомнив о супруге, скрипнула зубами. Егор Николаевич Потемкин должен отправиться прямиком в ад. Там ему самое место.

Глава 11

Проснувшись ранним утром, Катя некоторое время просто бесцельно смотрела в потолок. Сегодня вновь предстоит тяжелый день. Не физически – морально. После пропажи Сони жизнь юной дворянки менялась с устрашающей скоростью. Ее постоянно ставили перед выбором. Даже вчера в городской администрации без него не обошлось.

Вначале ничего не предвещало неприятных сюрпризов. В одном из кабинетов Катя долго заполняла анкеты. Потом миловидная сотрудница провела ее в другой. В этом полутемном, даже, можно сказать, таинственном помещении угрюмый мужчина проверил наличие вассальной клятвы, данной главе рода бояр Изотовых.

По просьбе служащего девушка приложила ладонь к идеально отполированной небольшой плитке турина. Пару долгих мгновений ничего не происходило. Однако не успела Катя начать беспокоиться, как по артефакту забегали фиолетово-сиреневые всполохи. Она убрала руку, и всполохи тотчас погасли.

Сделав отметку в большой книге, мужчина заполнил очередной бланк. Протянув его девушке, буркнул, что сейчас ей нужно в кабинет номер три. Дескать, там начальство. Но провожать не станет, ибо жутко занят.

Поплутав по бесчисленным коридорам, Катенька наконец-то обнаружила нужную табличку с цифрой три. Тихонько постучав, робко вошла в стильно обставленное помещение. Строгая женщина в очках и с чопорным пучком на голове сидела за столом и что-то сосредоточенно писала.

– Добрый день, – внезапно осевшим голосом поприветствовала Катя чиновницу.

Мельком глянув поверх очков на визитера, та продолжила писать. Немного помявшись у порога, юная дворянка подошла к столу и с уважением произнесла:

– Меня зовут Екатерина Юрьевна Тимирязева. Я вассал рода Изотовых. Оформляю опеку над юными боярынями Александрой и Елизаветой Изотовыми.

Оторвавшись от бумаг, хозяйка кабинета пристально посмотрела на рыжеволосую посетительницу.

– Присаживайтесь, – предложила неожиданно доброжелательным тоном. – Давайте ваши документы.

Усевшись на один из стульев, Катя протянула чиновнице исписанные листы. Та внимательно с ними ознакомилась, а потом, сняв очки, потерла двумя пальцами переносицу.

– Тамара Прокофьевна, начальник отделения опеки, – представилась женщина, вновь возвращая очки на место. – У вас действительно есть право на опеку, Екатерина Юрьевна. Однако не хватает пары документов.

– Каких? – быстро поинтересовалась Катя.

– Первый – согласие Елизаветы и Александры Изотовых на то, чтобы вы стали их опекуном.

– С этим проблем не возникнет, – уверенно сообщила девушка.

– Отлично, – кивнула Тамара Прокофьевна. Открыв один из ящиков стола, достала два листа с напечатанным текстом. – Это бланки согласия. Боярыням их надо подписать.

– Хорошо, – Катя кивнула. – А какой еще документ нужен?

– Судя по возрасту, вы можете являться ученицей старших классов. Для получения опеки вам необходимо предоставить справку, что не проходите обучение в школе.

– Но я же учусь, – растерянно захлопала ресницами претендентка на опеку. – Глупость какая. При чем тут моя учеба в школе?

– Правила есть правила. Если вы не хотите получить отказ, необходимо предоставить положенные документы, – тяжко вздохнула Тамара Прокофьевна.

– И что же делать? – спросила, широко распахнув глаза, девушка.

– Я вижу только два варианта, – спустя паузу, промолвила чиновница. – Либо вы заберете документы из школы и принесете справку, либо не претендуете на опеку, – заметив, как юная дворянка нахмурилась, неторопливо поправила очки. – Мне жаль, но закон есть закон, – добавила безапелляционно.

– Когда нужно принести согласия и справку? – тихо поинтересовалась Катя.

– По утвержденному министерством графику послезавтра утром я рассматриваю документы на право опеки. Следующая дата – через две недели. Сами решайте.

– Если я принесу их завтра, то могу рассчитывать на получение опеки?

– Нет, – качнула головой начальница. Заметив недоумение на лице девушки, пояснила: – Документы я рассмотрю. А вот вынесу ли решение о том, что именно вы получите опеку, сейчас не скажу. Возможно, появятся иные претенденты. Я оцениваю каждого. Может, ни один не подойдет. В таком случае заботу о боярынях возьмет на себя Российская Империя.

– Кошмар! – неверяще пробормотала Катя. – То есть даже если я брошу школу, то не факт, что получу опеку?

– Правила есть правила, – торжественно повторила чиновница. – Отделение опеки подчиняется напрямую Министерству образования. Алгоритм работы, а также требования к соискателям составлены сотрудниками Министерства. Мы действуем только в интересах детей.

– Оно и видно, – тихо сказала Екатерина.

– Вы еще юны, – проникновенно произнесла женщина. – Дети – огромная ответственность. Скоро у девочек начнется переходный возраст, будет очень тяжело. Нужно ли вам такое бремя? Мне кажется, для сестер гораздо лучше, если над ними возьмет опеку человек постарше. Подумайте. Родите своих, успеете нанянчиться.

– Лиза и Саша моя семья, – просто сказала Катя, поднимаясь.

– Что ж, приносите документы, я их обязательно рассмотрю, – вздохнув, произнесла Тамара Прокофьевна. – Но настоятельно рекомендую хорошо подумать.

– Спасибо. Всего доброго, – учтиво попрощалась юная дворянка.

Лежа в постели, она вновь и вновь прокручивала в голове разговор с чиновницей. Тревога за судьбу девочек не отпускала. Но Катя за малышек была готова биться до конца, и в правильности этого решения не сомневалось ни мгновения.

Наряду с беспокойством о близняшках, Катерина день и ночь думала о том, что предала Софью. Эти мрачные мысли разъедали душу, словно кислота. Да, вассальная клятва в случае реального предательства не позволила бы ей жить. Но все же…

Встав с кровати, рыжеволосая девушка надела джинсы, футболку. Стараясь раньше времени не разбудить девочек, тихонько вышла в общую комнату. Бесшумно дошла до одной из закрытых дверей. Помешкав пару мгновений, несильно толкнула створку.

В спальне Сони ничего не изменилось. По молчаливой договоренности с Надеждой все осталось как раньше. Аккуратно прикрыв за собой дверь, Катя бесцельно прошлась по комнате.

«Так странно, – отмечая вроде бы незначительные детали, думала девушка, – Сони больше нет, но вещи хранят о ней память. Вон заколка, позабытая на рабочем столе. Рядом любимая ручка. Открытая на восьмой главе книга с карандашными пометками на полях…»

Сглотнув ком в горле, Катя стерла ладошкой навернувшиеся слезы. Медленно отойдя от стола, остановилась напротив настенной полочки и, печально улыбаясь, окинула взглядом многочисленные статуэтки.

Увлечение игрушечными мифическими животными глава рода Изотовых не афишировала. Кате порой даже казалось, что подруга стесняется такого хобби. Тем не менее домочадцы знали, насколько трепетно Сонечка относится к своим фигуркам.

Юная дворянка взяла маленького белоснежного единорожика. Забавная вещица на ощупь казалась теплой. Впервые так пристально рассматривая статуэтку, девушка удивленно качнула головой. Изумительная, филигранная работа. Осторожно вернув фигурку на место, Катя грустно осмотрела спальню.

Внезапно запредельная тоска, словно тисками, сдавила сердце. Девушке на мгновение почудилось – сейчас дверь откроется, и войдет Соня. Улыбнется, скажет: «Все поправимо». Слабый огонек надежды упрямо тлел и не желал затухать, душа отчего-то верила – Сонечка жива. Да вот только разум твердил обратное: глава рода никогда не зайдет в свою спальню.

И она, Екатерина Тимирязева, которая считала себя лучшей подругой, виновна в ее смерти.

Катя не верила, что Соня могла спонтанно выйти замуж и уехать развлекаться. Вассальная клятва, данная лично главе рода, наделяла девушку многими обязанностями, но и возможностями тоже. Она имела полное право отдать приказ о поисках боярыни. Подчинился бы даже Василий. Однако этого не сделала. Вначале ужасно растерялась, еще и запугала саму себя надуманными проблемами, а после предпочла оставить решение за опытным слугой рода.

– Софья Сергеевна, в первую очередь, наша госпожа. И если поступила так, а не иначе, мы должны подчиниться. Развернув поиск, можем невольно нанести удар по репутации рода. Не накручивай ни себя, ни других: боярыня не пропала без вести. Ждем ее возвращения, – сказал он тогда.

Юная дворянка подчинилась. И дальше, эти бесконечно долгие месяцы, полные тревог и слез в подушку, Катерина покорно слушалась отца своего возлюбленного. В отсутствие главы, привилегированный слуга полностью взял на себя бразды правления родом.

У Софьи имелось множество разных знакомых, партнеров по бизнесу и даже союзников. О внезапно пропавшей «с радаров» боярыне тревожились, личному помощнику главы рода постоянно звонили. Однако, выполняя наказ Василия, Катерина изо дня в день повторяла как попугай: «Все вопросы, связанные с бизнесом, уполномочен обсуждать лишь Василий Юрьевич. Иных комментариев не будет».

Это по распоряжению Фролова-старшего она на вопросы учителей и учеников твердила одно и то же: «С Соней все в порядке. Большего сказать не могу, вассальная клятва». После фразы «вассальная клятва» одноклассники расспросами донимать переставали. Вскорости уже весь «Эверест» знал: с боярыней Изотовой «все в порядке». Даже если и имелись сомнения, Катерине их не озвучивали.

После смерти подруги Катя по-прежнему продолжала слушаться Василия. В его действиях по отношению к роду ничего плохого не было. Напротив, старший Фролов искренне болел и душой, и сердцем за род Изотовых. Да вот только едва голова касалась подушки, к девушке приходили одни и те же мысли.

Предала. Своим слабоволием убила Соню.

Страшные слова вновь набатом зазвучали в голове. Сжав виски ладошками, Катенька села прямо на пол. Слезы душили, грозили пролиться водопадом. Тихонько заскулив, она обняла колени и уткнулась в них лицом. Проклиная себя и горько плача, убитая горем девушка истово просила у подруги прощения.

Вскорости слезы иссякли. Прижавшись щекой к острой коленке, Катя невидящим взглядом смотрела на полочку с фигурками животных. В душе царила гулкая пустота.

«Ошиблась? Все ошибаются. Сделай выводы и иди дальше. Жизнь – это путь», – внезапно вспомнились давным-давно вскользь оброненные Соней слова.

Катя уже и не помнила, когда и по какому поводу их сказала подруга. Однако именно сейчас предельно четко поняла, о чем та говорила. Боярыня всегда принимала самостоятельные решения. Впрочем, и несла за них ответственность. Соня жила не чужим, а своим умом. Не боялась совершать ошибки.

– Я все поняла, – прошептала непонятно кому юная дворянка.

Медленно встала, осторожно выглянула из-за двери. Близняшек в общей комнате не увидела. Облегченно вздохнув, прошмыгнула к себе и принялась собираться.

Сегодня вместе с девочками планировалось ехать в школу. Василий вчера сказал, что с опекой тянуть нельзя, и Катя была с ним полностью согласна. Однако не из-за желания Фролова-старшего она заберет документы. Ей самой так хочется.

Катенька решила впредь не жить по чужой указке и не прятаться за спины других. Она станет действовать так, как считает правильным.

Глава 12

Одетые в школьную форму, с тщательно заплетенными косами близняшки завтракали в кухне. Рядом привычно находилась экономка. Зорко поглядывая на девочек, женщина вновь что-то готовила.

По правилам юные боярыни должны были есть в столовой. Но Софья ввела другие традиции: основным местом трапезы стала кухня. В доме Изотовых все оставалось ровно так же, как при Сонечке. И это не просто дань памяти, так домочадцам привычнее, уютнее.

– Доброе утро, – поприветствовала Катерина, входя в кухню.

– Доброе утро, – в один голос отозвались сестры, рассматривая одетую в темно-синий брючный костюм девушку.

Приветливо кивнув юной дворянке, Надежда не стала задавать ненужных вопросов. Она все прекрасно знала и понимала.

– Катенька, что желаете на завтрак? Есть овсяная каша с фруктами, омлет, оладьи со сметаной, – заботливо поинтересовалась экономка.

Сев за большой стол, Катя положила рядом какие-то бланки и ручку. Посмотрев на сытых девочек, лениво пьющих чай, улыбнулась.

– Пожалуй, омлет, – ответила тихо.

– Сейчас будет, – откликнулась Надежда и захлопотала у плиты. Через пару мгновений перед юной дворянкой стояла белоснежная тарелка с пышным омлетом. – Приятного аппетита, – ласково произнесла экономка. – Боярыни, может, что-то еще желаете? – забирая пустые чашки со стола, добавила с материнской заботой.

– Нет, – синхронно помотали головами Лиза с Сашей. Не торопясь уходить, они с интересом поглядывали то на Катю, то на лежащие рядом с ней документы.

Быстро управившись с завтраком, Катерина кивком поблагодарила Надежду. Дождавшись, когда та уберет со стола посуду, взглянула на наблюдающих за ней близняшек.

– Девочки, вы действительно хотите идти в школу? Можете побыть дома, – предложила с непритворной заботой. Дети отрицательно качнули головами.

– Дома сидеть еще хуже, – вздохнув, призналась Александра.

– Почему ты не в школьной форме? – встревоженно поинтересовалась Елизавета.

– И что это за бумаги? – вторя сестре, задала вопрос Саша.

– В школу я больше ходить не буду. Иначе мне откажут в опеке, – не видя смысла обманывать, призналась Катя. – Сейчас поеду с вами, заберу свои документы, а после в администрацию. А бумаги… Это бланки согласия. Если не возражаете, чтобы я стала вашим опекуном, вам обеим их надо подписать.

Быстро переглянувшись, близняшки синхронно опустили глаза на белоснежную скатерть.

– Что-то не так? Вы не хотите? – мигом встревожилась Катерина.

– Мы тебя очень любим, – тихонько произнесла Лиза. Саша молча кивнула, подтверждая слова сестры. – И не хотим портить тебе жизнь.

Положив бумаги на стол, Катенька быстро встала. Подойдя сзади к девочкам, обняла их за худенькие плечики.

– Глупышки, – шепнула с нежностью. – Ничего вы не портите. Я вас очень-очень люблю. Для меня честь заботиться о вас, – на мгновение примолкла и добавила: – Так же, как делала ваша старшая сестра.

Хмурясь и сопя, девочки смотрели то друг на друга, то на стол. Неожиданно Лиза спросила:

– А кроме тебя и мужа Сони, кто-то еще может над нами взять опеку? Потемкин нам очень не понравился, а тебя любим. Замуж не выйдешь, школу должна из-за нас бросать, – сумбурно выдала не по годам умная девочка.

Катя медленно убрала руки с плеч близняшек. Переведя взгляд в окно, она напряженно размышляла. Соня относилась к сестрам как к равным, просто менее опытным: не пыталась им заменить мать, но была старшим другом. Катерина решила поступать так же.

– Да. Дворяне, равные вам по статусу или выше, – произнесла девушка. – В Южном княжестве боярских родов достаточно. Вполне вероятно, многие захотели бы взять над вами опеку, – девочки резко повернулись, их глаза загорелись энтузиазмом, а Катя с досадой поджала губы. – Только, скорее всего, представителям этих родов интересны не вы, а имущество Изотовых. Помните об этом, – глубоко вдохнув, задумчиво добавила: – Можно доверять только княжескому роду Разумовских. Светлейший князь Игорь Владимирович очень достойный человек. Он всегда оказывал помощь Софье. Но если у вас есть я, зачем на кого-то возлагать дополнительные обязанности? Князь и так крайне занятой человек, на вас у него просто нет времени. Да и неправильно это, когда есть семья, – помолчав, Катя тихо продолжила: – Мне сегодня необходимо сдать документы в органы опеки, тогда завтра их рассмотрят. Если не успею, может случиться всякое, – выдержав паузу, твердо закончила: – Боюсь, вам придется выбирать только между мной, Потемкиным и государственной опекой.

Все так же сидя полуобернувшись, девочки смотрели на Катеньку, которая впервые не смущалась, не краснела, а говорила очень уверенно. Это было в диковинку.

– Что такое государственная опека? – хмурясь, поинтересовалась Лиза.

– Заботу о вас возьмет на себя Российская империя. И уже не получится жить прежней жизнью: не будет «Эвереста» и школьных друзей, тренировок с Никитой, занятий конным спортом. До совершеннолетия вас поместят в закрытый пансионат. Я смогу приезжать лишь изредка, – не утаивая правду, сообщила Катя. – Как и Соня, я хочу для вас нормального детства в родном доме, в кругу близких людей. Претендовать на опеку – мое осознанное решение. Теперь вам обеим предстоит сделать выбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.